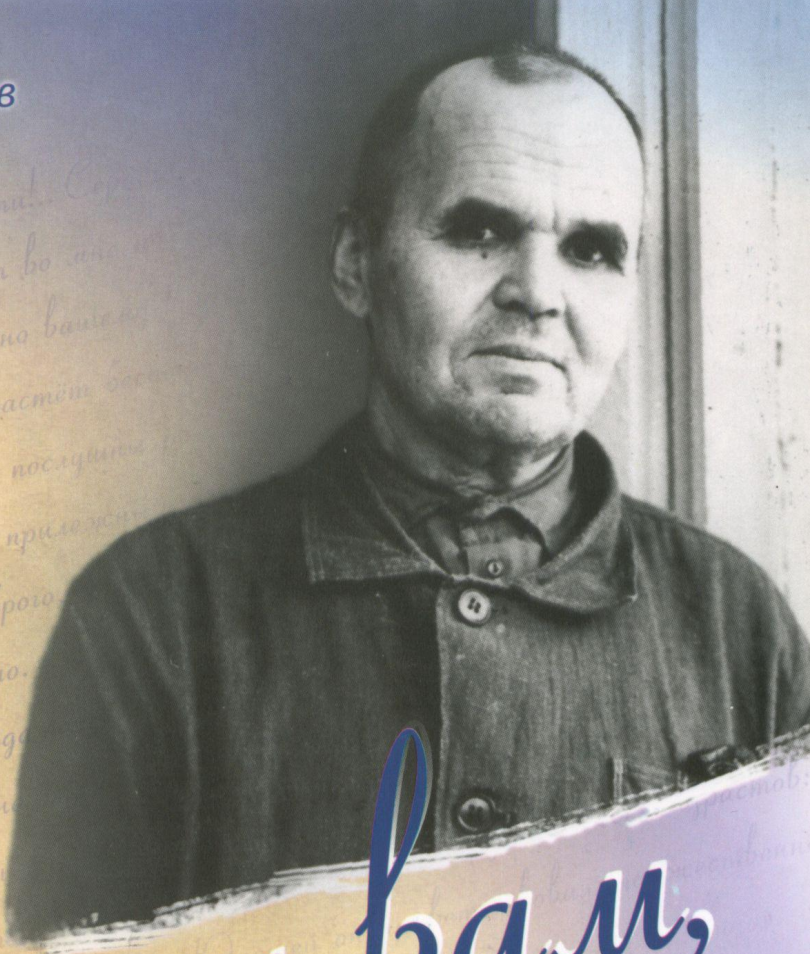
М. И. Хорев



Пишу вам, дети...

Хорев Михаил Иванович

Пишу вам, дети...

Электронная копия с издания
2019 г.
Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Другие христианские электронные книги

Содержание

Об авторе
Письмо первое
Письмо второе
Письмо третье
Письмо четвёртое
Письмо пятое
Письмо шестое
Письмо седьмое
Письмо восьмое
Письмо девятое
Письмо десятое
Письмо одиннадцатое
Письмо двенадцатое
Письмо тринадцатое
Письмо четырнадцатое
Письмо пятнадцатое
Письмо шестнадцатое
Письмо семнадцатое
Письмо восемнадцатое
Письмо девятнадцатое

Письмо двадцатое
Письмо двадцать первое
Письмо двадцать второе
Письмо двадцать третье
Письмо двадцать четвёртое
Письмо двадцать пятое
Письмо двадцать шестое
Письмо двадцать седьмое
Письмо двадцать восьмое
Письмо двадцать девятое
Письмо тридцатое
Письмо тридцать первое
Письмо тридцать второе
Письмо тридцать третье
Вместо эпилога
Награда

Об авторе

Михаил Иванович Хорев родился 19 декабря 1931 года в Ленинграде, в семье благочестивых христиан — Агриппины Михайловны и Ивана Михайловича. В семь лет мальчик лишился отца, который за свою

верность Богу получил клеймо врага народа и в 1939 году умер в лагере г. Тавда Свердловской области.

Михаил Иванович обратился к Богу в ранней юности и до глубокой старости служил Ему от чистого сердца, оставив добрый пример для подражания не только своим троим сыновьям, но и всем христианам.

Он был весьма усерден во всяком церковном деле, искренне заботился о духовном благополучии паствы, вверенной ему Пастыреначальником. Апостол Павел писал в своих посланиях, что такие служители являются славой Иисуса Христа.

Михаил Иванович мужественно отстаивал перед гонителями право церкви на независимость. Он отверг многочисленные предложения о сотрудничестве с органами КГБ, отверг компромиссную идею автономной регистрации Кишинёвской общины.

Находясь в неволе, любящий и заботливый отец написал своим сыновьям серию писем, которые были опубликованы в журнале «Вестник истины» под заголовком «Пишу вам, дети...» (1983-1984 гг.)

За эти письма страдалец провёл в необычной камере, именуемой «африканкой», двадцать пять суток. Тогда от истощения он не мог вспомнить в молитве имена своих детей, а переохлаждение организма привело к серьёзным заболеваниям, которые сопровождали его до конца жизни. Как и апостол Павел, Михаил Иванович носил на своём теле язвы Господа Иисуса.

Принципом его служения Богу была самоотверженность и искание Божьей славы. Однажды

он сформулировал этот принцип в своей молитве (цитата письма из неволи):

«Господи, Боже мой! Цель моей жизни — прославить Тебя в этом мире. Поэтому распоряжайся мной Сам и соверши через меня то, что считаешь лучшим для Твоей Церкви, для Твоего славного имени.

Господи, если моё заточение принесёт Тебе славы больше, чем жизнь на свободе, — то зачем мне свобода? Да будет благословен каждый день моего пребывания в тюрьме!.. Если Ты, Господи, усматриваешь, что я больше прославлю Тебя, находясь на скамье подсудимых, то зачем мне кафедры?.. И если смерть моя в узах прославит Тебя больше, чем жизнь на свободе, — то зачем мне свобода?! Всё от Тебя, Господи, Боже мой, и для Тебя!»

Письмо первое

Приветствую вас, мои милые родные!

Спешу утешить вас, а вместе с вами и сам нуждаюсь в утешении. Я вновь в тюрьме. Мы вновь разлучены. Христос утешал взволнованных учеников словами: «Мир Мой даю вам». Пусть люди мира сего прилагают богатство к имению своему, растут в величии своём, пользуются греховными наслаждениями. А нам Христос даёт Свой мир. Поклонимся Господу за такой чудный подарок!

Дорогие мои, не считайте себя обездоленными, когда притесняют вас, не считайте себя сиротами, хотя

мне вновь приходится идти в тюрьму за служение Господу. Христос даёт нам Свой мир, и в этом наивысшая компенсация всех потерь!

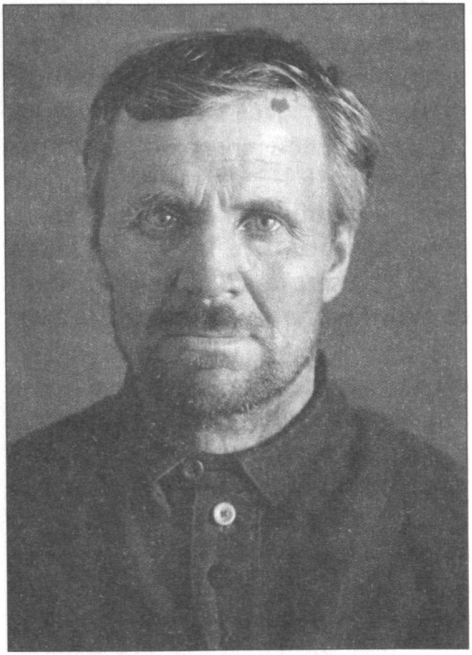
Понимаю, как хочется вам всё знать обо мне и особенно о первых днях моего ареста. Я разделяю вашу тревогу и хочу поделиться некоторыми подробностями. Но в одном письме сделать это не смогу, поэтому вооружитесь терпением и ждите очередных писем.

Меня арестовали 26 января 1980 года в Ленинграде, у дома моих сестёр. Было 00:30. Началась суббота. Два работника уголовного розыска, которые дежурили возле дома, ожидая меня (вы знаете, что круглосуточное дежурство милиции было и у нашего дома в Кишинёве), отвели меня в милицию. Поместили в камеру. Три дня я был в ней один. Я знал, что этот привод в милицию есть начало моего третьего срока.

Как только меня завели в камеру и дверь закрыли на замок, я преклонил колени перед Богом. Скажу вам, каким было содержание молитвы. Благодарственная молитва. Я благодарил Господа за всё: и за тернистый путь, по которому прошёл Христос, и за дорогую церковь, которая вот уже двадцать веков идёт Его путём. Благодарил Бога за то, что Он дал Мне познать не только радость спасения, но и радость в страданиях за возлюбленную церковь, чтобы вместе страдать и вместе явиться в славе перед Господом. Благодарил Бога за эту камеру, где совершена моя первая молитва в новых скитаниях. Молился и о всех вас, дорогие,

чтобы вы не печалились чрезмерно за меня, но, доверив Господу все вопросы жизни, навсегда избрали путь Христов.

В камере было очень холодно. И хотя одет я был по-зимнему, всё равно замёрз. Приходилось всё время двигаться. А когда одолевала усталость и сильно хотелось спать, начинал делать физические упражнения до полной усталости. Согревшись таким образом, быстро снимал пальто и ложился спать на нары так, чтобы пальто служило и подстилкой, и одеялом. Просыпался от сильного холода. Ноги очень замерзали. Опять согревался за счёт усиленных физических упражнений, но спать уже не хотелось. Часа два сна вполне укрепляли физические силы. Особо торжественно я провёл 27 января.



Иван Михайлович Хорев, 1938 г.

Агриппина Михайловна Хорева, 1950 г.

Воскресный день. Я знал, что меня на днях увезут в Ленинградскую тюрьму «Кресты», и с благоговением ждал этого часа. Вы спросите — почему? Когда моему папе было сорок восемь лет, его арестовали как служителя Христова и увезли в эту тюрьму. Мне тогда было шесть лет. И вот я достиг возраста отца своего и иду по его стопам через те же тюрьмы, а может быть, и через те же камеры.

Я вспомнил детство, особенно нашу последнюю беседу с папой, и не мог не припасть к ногам Иисуса Христа, в глубоком волнении благодаря Его за родителей, которые научили меня любить Господа больше всего на свете.

Каким коротким показался мне тот воскресный день! Я провёл его в песнопении, в молитвах и радостных размышлениях. Постараюсь, дорогие мои, и вас приобщить к радости моего воскресного дня — 27 января 1980 года и прошу Господа, чтобы Он уровнял пути для следующего письма, в котором продолжим начатый разговор.

Ваш папа

Письмо второе

Помни весь путь, которым вёл тебя Господь.
Втор. 8, 2

Мои милые родные, сегодня решил продолжить разговор, начатый в предыдущем письме, в котором писал вам о первых днях моего пребывания под

арестом в Ленинграде. Да, воскресный день 27 января 1980 года останется в моей памяти как один из прекрасных дней, когда Господь чудно посетил меня и напомнил о Своих дивных делах в моей жизни.

Это воскресенье было для меня днём благодарения. Я был один, никто не отвлекал меня. Я вспоминал детство, родителей и благодарил Господа за то, что они научили меня любить Его, от юности идя за Иисусом тернистым путём. Постараюсь, если Господь продлит жизнь нашу, рассказать подробно обо всём, что я запомнил, чему научился в детстве. Ведь мой папа уделял нам очень много времени для воспитания в учении Господнем. Но сегодня хочу рассказать вам, дорогие мои, о той беседе с папой, которая волновала моё сердце 27 января 1980 года.

Шёл 1938 год. Трудное то было время для Церкви Христовой. А этот год — особенно. Мы жили в Ленинграде. В этом году все четырнадцать молитвенных домов были закрыты, служители церкви арестованы, их семьи в основном сосланы на север. Эта же участь ожидала и нас. Мой папа тоже был служителем в одной из баптистских церквей Ленинграда, а всех служителей и активных членов церкви уже арестовали. Ждал ареста и мой папа. У дверей нашей комнаты лежал рюкзак, собранный им в дорогу, и мы, дети, часто подходили и перебирали содержимое мешка. Там было нательное бельё, чёрная рубашка, ватные брюки (в заплатках, ведь жили мы бедно), подшитые папой валенки, миска, ложка и кружка. Вот и весь багаж.

Однажды после работы папа (он был электромонтёром) сидел за столом и что-то писал. Мы окружили его, и он начал с нами непринуждённую беседу. Эта беседа оставила глубокий след в моей душе.

«Дети, — говорил он, — я отправляюсь в далёкий путь. Вернусь ли когда-нибудь домой — не знаю. Только Господь знает мой путь, и все трудности на пути, и время скитания. Так вот, отправляясь в дальнюю дорогу, хочу договориться с вами сейчас о месте встречи, чтобы нам не потерять друг друга, но всегда быть вместе».

И чтобы мы лучше запомнили, отец пояснил, что, направляясь в многолюдные места: на рынок, или в универмаг, или на железнодорожный вокзал — люди стараются заранее назначить место встречи, если случится непредвиденно потерять друг друга. Встречи назначают в разных местах: у ворот рынка, у справочного бюро на вокзале И т. д.

«Мы тоже на время потеряем друг друга, — продолжал он. — Поэтому я предлагаю вам, детки, встречу у Божьего престола. Как только войдёте в Небесный Иерусалим, подходите к престолу, где будет восседать Иисус Христос, и я там буду. Мы встретимся и больше никогда не разлучимся!» Он стал карандашом рисовать небо и престол, куда придут поклониться все дети Божьи. Говорил он всё это с такой увлечённостью и вдохновением, что остаться равнодушным было невозможно. И запомнилось на всю жизнь.

Папа знал, что после ареста больше не вернётся на свободу, но, имея глубокое упование на Господа, доверяя Ему себя и свою семью, смело шёл по стопам Иисуса Христа и твёрдо верил, что тот, кто с Ним страдает, с Ним и царствовать будет. Повторяю, папа имел живое упование и очень хотел, чтобы дети его тоже были в Небесном Царстве.

Как же мне не радоваться и не благодарить Бога за то, что у меня был такой заботливый отец, всем сердцем любящий Господа!

Через три-четыре дня после нашего разговора его арестовали. Мы провожали его только до дверей, дальше нам не разрешили идти. Воронок стоял напротив нашего окна, и нам хорошо было видно, как папа с небольшой ношей на плече подошёл к машине под охраной солдат НКВД, посмотрел в нашу сторону, улыбнулся и слегка поднял правую руку, приветствуя и прощаясь с нами. И всё. Дверца захлопнулась, и машина увезла его.

Прошло восемь месяцев, и папа написал нам с далёкого Севера последнее письмо. Он писал перед самым переходом в вечность, за один-два часа. (В 1955 г. я встретил брата, который находился тогда вместе с нашим папой. Он многое рассказал мне о его последних днях жизни.) Папа писал в этом письме очень мало: «Милая, если ты услышишь, что я умер, то не верь, потому что верующий не умирает, а переходит от смерти в жизнь».

27 января 1980 года я благодарил Бога за моего папу и просил у Него силы и мудрости быть таким

отцом, который и вам, милые дети, оставил бы пример подражания Иисусу Христу.

Через пять месяцев после ареста папы я видел его на свидании в «Крестах». Об этом посещении тюрьмы в детском возрасте постараюсь написать в следующем письме.

Ваш папа

Письмо третье

...Как-то раз вечером мама пришла домой и сообщила, что папу осудили на пять лет и завтра мы идём к нему в тюрьму на свидание. Для нас этот день был праздником. Вам, дорогие мои, знакомо это чувство внутреннего волнения. Ведь вы приезжаете ко мне на свидание вот уже в третий мой срок!

Что же особенно запечатлелось тогда в моём детском воображении? Расскажу по порядку. Администрация тюрьмы заявила маме, что не следовало бы давать ей свидание с мужем, так как он занимается пропагандой в камере. — «Но ради детей всё-таки дадим».

На свидании мама спросила: «Говорят, ты занимаешься здесь какой-то „пропагандой"?» Папа улыбнулся и ответил: «Молюсь Богу открыто, коленопреклонённо, а после молитвы мне задают вопросы, и так все дни проходят в беседе о Боге».

Хочу описать внешнюю обстановку самого свидания. Всем, кто получил разрешение на свидание

с близкими, велели зайти в одну большую комнату. Народу собралось человек около пятидесяти. Всем объяснили, как вести себя на свидании: нельзя громко разговаривать, передавать что- либо, обмениваться рукопожатием. Ещё что-то говорили, но я уже не помню. Затем открыли дверь, и посетители стали заходить.

Мы — дети — первые вбежали в комнату для свидания и растерялись. Непривычная обстановка! Постараюсь описать её. Большая комната разделена п-образным барьером на два ряда. С одной стороны барьера стоят заключённые, с другой — посетители. А между барьерами — проход, по которому ходят надзиратели. Посреди комнаты — большой стол.

Итак, мы вбежали в комнату и остановились посреди, рассматривая стоящих вокруг. Вдруг слышим знакомый голос: «Деточки!» Я увидел папу. Он стоял, облокотившись на барьер, и улыбался. Мы бросились к нему (три мои сестры и я). Но барьер был для нас высок, и нам пришлось немного отойти назад, чтобы видеть папу.

В это время в комнату зашли все посетители и стали у барьера в два ряда. В такой обстановке взрослым было трудно что-либо увидеть, а детям тем более. Стоял сильный шум. Каждый старался говорить так, чтобы его услышали на другой стороне. Я забрался на стол и стоя наблюдал за происходящим.

Рядом с папой, по правую сторону, стоял худощавый пожилой еврей. Из глаз у него постоянно текли слёзы. Он что-то горячо говорил своей жене, а

потом как закричит на весь зал: «Тише, товарищи!» Все чуть приумолкли, и он громко спросил: «Фирочка, ты веришь мне? Я же ни в чём не виноват!» Он ещё о чём-то говорил своей Есфири, но общий шум вновь стал набирать силу, и всё слилось в единый гул.

Вера, Надя, Мария и Миша Хоревы, 1938 г.

Для меня была интересна сама обстановка. Все взволнованные, многие плачут и по ту, и по эту сторону барьера, а папа приятно улыбается нам. Стоя на столе, я не слышал ни одного его слова. Шум стоял невыразимый. Но мне навсегда запомнилось спокойствие, мир и какая-то торжественность на папином лице.

Тридцать минут свидания прошли быстро, и все посетители нехотя стали выходить. Последними выходили мы, дети. Папа говорил нам: «Вы помните, где мы встречаемся?

У Божьего престола!» Левой рукой опираясь на барьер, он поднял правую и указательным пальцем показал вверх. Мы не знали, что расстаёмся с папой навсегда.

Во время свидания у него сильно болели ноги, поэтому он опирался на барьер, а маме ничего не сказал о плохом здоровье. Решил не расстраивать её. И только в 1955 году, когда мне случайно довелось встретить брата, который был тогда вместе с папой в тюрьме, я узнал, что у папы сильно болели ноги, и он даже не мог сам идти на свидание, ему помогали заключённые.

Это было моё первое и последнее свидание с папой в заключении. Больше я никогда не видел его. На всю жизнь он запечатлелся в моём детском сознании как верный служитель Божий, и я всегда хотел ему подражать. Твёрдо знаю, что мы встретимся с ним у Божьего престола на небесах, и радости нашей не будет конца.

Ваш папа

Письмо четвёртое

Дорогие мои!.. Вы помните, что в первом письме я писал вам о том, как прошёл мой первый воскресный день в заключении. Хочу продолжить свои воспоминания.

Мне уже было известно, что из милиции, куда меня привезли сразу после ареста, заключённых увозят

в тюрьму по вторникам и пятницам. Это значит, что во вторник, 29 января, воронок привезёт меня в «Кресты», куда сорок два года назад доставили моего папу. Ах, как мне хотелось тогда сказать ему: «Папа, я приду на небо, воздам славу победителю Иисусу Христу и там встречусь с тобой и со всеми святыми, прошедшими тернистый путь Христа!»

Но чтобы достичь этой цели, нужно пройти путём тюрем, пересылок, допросов, судов, долгих разлук... Да разве можно перечислить всё, что встретится на нашем жизненном пути?!

Мои воспоминания будут неполными, если я упущу ещё один эпизод из своего детства, очень важный, на мой взгляд. Когда папу арестовали, то перед выходом из дома он предложил совершить семейную молитву. Я не помню содержания ни своей молитвы, ни молитвы своих сестёр и мамы, но помню, что папа говорил приблизительно так:

«Господи, я очень люблю своих детей и жену. Для меня дорог семейный очаг. Но больше всего на свете я люблю Тебя, поэтому избрал тернистый узкий путь. Доверяю Тебе свою семью со всеми её запросами и нуждами. Позволь, Господи, считать, что Ты берёшь всю полноту ответственности за моих детей, за всю мою семью — на Себя. Я знаю, Владыко, что Ты всегда верен Своему обетованию, и когда закончатся мои скитания и я явлюсь к Твоему престолу, чтобы воздать Тебе славу, — увижу там и всю мою семью. Славлю Тебя за упование, которое Ты дал мне сегодня! Да будет имя Твоё благословенно в этой разлуке!»

Дорогие мои дети, в тот день в тюремной камере я особенно благодарил Господа за родителей, которые возлюбили своего Бога всем сердцем, всем разумением, всеми чувствами. Имею большое желание подробно порассуждать об этом с вами и надеюсь исполнить это в следующих письмах. А сейчас хочу сказать, как прошёл мой следующий день заключения, то есть понедельник, 28 января 1980 года.

Я уже писал вам, что в камере был один, но в других камерах за три дня народу набралось много. У дверей моей камеры в коридоре поставили передвижной столик, и сотрудник милиции, пожилой мужчина, стал вызывать по одному всех арестованных и брать у каждого отпечатки пальцев. Для меня процедура эта не нова, и я спокойно ждал своей очереди.

Исполнитель этой формальности был человеком словоохотливым и любознательным, вернее, любопытным. У каждого он спрашивал, за что тот задержан, и — кому сочувствовал, кого журил за плохой поступок. Делал он это, не отвлекаясь от основной работы. Например, двум алкоголикам советовал: «Пить надо в меру, как я, — только по праздникам». Уклоняющегося платить алименты журил за отсутствие отцовских чувств, насильника укорял за разложение нравственности. Словом, всем находил, что сказать. Хулиганам — одно, ворам — другое. Я увлёкся, прислушиваясь к тому, что происходило у дверей моей камеры, и думал: «А что

скажет этот человек мне, какие наставления выслушаю от него?»

Наконец, настала моя очередь. Открывается дверь моей камеры, и я выхожу в коридор. Мне прочитали постановление прокурора о задержании, в котором вкратце была изложена моя вина: нарушение законодательства о религиозных культах, ст. 142. Мужчина, который брал отпечатки, посмотрел на меня с недоумением: «Не понимаю, за что же всё-таки вас задержали?» Коротко объяснил ему, что я — христианин, проповедую Евангелие. Сказал ему об Иисусе Христе, о спасении души. Говорил минуты две-три, меня никто не перебивал.

Заканчивая, я спросил слушающих (их было трое): «Вы когда-нибудь читали Святое Евангелие?» Вместо ответа милиционер спросил меня: «А кто вы по вероисповеданию?» Как только он узнал, что я баптист, в нём всё переменилось. Он стал кричать на меня, обвинять во всех смертных грехах. По его словам, мы и детей в жертву приносим, и на богослужениях занимаемся развратом, и ещё многое-многое говорил и говорил.

Кое-как он взял у меня отпечатки пальцев, и я пошёл в свою камеру. А он всё не мог успокоиться и продолжал говорить со мной даже через закрытую дверь. Чего только я не услышал в обвинение! Мы и предатели родины, и человеконенавистники, и американские агенты... Да стоит ли всё перечислять? И относилось это не только ко мне, а скорее, ко всем

верующим. Вывод его был такой: «Если бы не вы, коммунизм давно был бы построен».

И думал я: откуда у него такая ненависть к верующим, откуда такие жуткие обвинения?

«Может быть, — рассуждал я, — он был лично знаком с людьми, которые называли себя христианами, но не были таковыми на деле и своим поведением дали повод злословить Церковь Христову?»

Озабоченный этим предположением, я спросил через дверь, приходилось ли ему встречаться с верующими, разговаривать с ними или, может быть, жить по соседству? К моему удивлению, оказалось, что он никогда не был знаком с верующими, впервые встретил баптиста, но «хорошо» знает о нас по рассказам, много читал в книгах и в кино видел таких изуверов, как я.

Долго в тот день в коридоре рассказывали разные небылицы о нас. Но я в разговор с ними больше не вступал.

«Молитесь за обижающих вас», — сказал Христос. И мне очень захотелось в тот момент исполнить это повеление. Но как только надзиратель увидел меня в глазок на коленях, разгневался ещё больше. Как больно сердцу, что люди так обмануты и искалечены грехом! Да простит им Бог!

Господь с вами, мои дорогие! В следующем письме продолжу об этом.

Ваш папа

Письмо пятое

Обидно мне было слушать незаслуженные обвинения на верующих. Тем более, что надуманными, нелепыми были эти обвинения, так как высказывал их человек, никогда близко не знавший христиан. Всё понаслышке! Но это не в первый раз встречается такое. Я часто вспоминаю 16 мая 1966 года.

Трудное то было время для Церкви Христовой. Повсеместно усиливались гонения на верующих в нашей стране. В чём это выражалось? Верующим препятствовали проводить богослужения, на них налагали непомерно большие штрафы, открывали уголовные дела, их арестовывали, лишали работы, исключали из учебных заведений. Интересно, что эти действия начались одновременно по всей стране. Ясно было, что инструкции, как поступать с верующими, исходили из центра, из Москвы. Поэтому верующие решили лично посетить ЦК КПСС по этому вопросу и, по возможности, встретиться с главой ЦК — Л. И. Брежневым.

Для этой цели 16 мая 1966 года в Москву приехали представители церквей евангельских христиан-баптистов, около четырёхсот пятидесяти человек, и ровно в 10 часов собрались у главного подъезда ЦК КПСС.

Я не имею сейчас цели подробно описывать те события, хотя уверен — вам хочется знать все

подробности. Скажу только: делегацию не приняли, несмотря на то, что все стояли у ЦК на улице больше суток. На другой день, 17 мая, часам к четырём дня подогнали автобусы, силой погрузили всех просителей приёма и увезли в Лефортовскую тюрьму. А там отсортировали: кого осудили на два-три года, кому ограничились дать от трёх до пятнадцати суток, а большинство — через три дня развезли по домам. Вот так и закончилось это паломничество.

Дорогие дети, вы спросите, где же был я в эти ответственные дни? Вот об этом я и хочу рассказать.

19 мая 1966 года служители Совета церквей послали меня и Г. П. Винса в приёмную ЦК с ходатайством по поводу ареста нашей делегации. Принял нас заведующий приёмной ЦК КПСС — Скляров. Великодушно выслушав наше заявление, подивившись несправедливым действиям местных властей, он предложил нам обратиться в Министерство внутренних дел. При нас позвонил туда по телефону и заверил, что мы будем там приняты. Но как только мы вышли из приёмной ЦК, нас сразу арестовали работники КГБ и увезли в ту же Лефортовскую тюрьму.

Цель моего сегодняшнего письма рассказать вам не о первом моём аресте. 16-17 мая меня не было среди делегатов у дверей ЦК. Я стоял в стороне и смотрел на всё происходящее вместе с прохожими, которых в центре Москвы не так уж мало и которые, видя необычное явление, останавливались и спрашивали друг у друга: «Что бы это значило?» Перед их глазами

у главного входа в ЦК множество людей молились (коленопреклонённо), пели религиозные песни. Потом их окружила милиция. Необычное зрелище!

Люди, случайно оказавшиеся в это время на Главном бульваре, собирались напротив здания ЦК группами, по пять-десять человек. И удивительно! Возле каждой такой группы всегда оказывался один «всезнающий» человек, который отвечал на любой вопрос. Как вы уже догадались, это были сотрудники милиции, а кое-где и лица в штатском. Все они слегка улыбались, разговаривая с любопытными, неторопливо входили в пространные объяснения и всё время внимательно присматривались к интересующимся. Я подходил к нескольким таким группам, желая слышать, что говорят о верующих.

Первая группа, у которой я остановился, состояла из шести-семи человек. Старшина милиции давал пояснения: «Это верующие, баптисты. Они приехали из разных мест требовать свободы своим действиям. Но рассудите сами, может ли наше правительство разрешить аморальные действия, разлагающие общество?» Одна пожилая женщина спросила: «А какие это аморальные действия?» На это старшина ответил: «Здесь есть молодёжь, так что не всё можно говорить вслух».

Мне стало стыдно от такой беззастенчивой лжи, и я пошёл к другой группе, человек на десять. Здесь был «гидом» мужчина лет сорока, в штатской одежде. «Что хотят эти баптисты? Им не нравится наша система

образования. Они не пускают своих детей в школы, запрещают читать книги» и т. д., и т. п.

И к какой группе я ни подходил — везде слышалась одна и та же ложь. Ни единого слова правды! А стоило бы ответить на вопрос: почему верующие, старые и молодые, мужчины и женщины, вынуждены были приехать из далёких мест и прийти к зданию ЦК, почему их там арестовали?

В этот день, 16 мая 1966 года, центральные органы власти своими «решительными» действиями против мирной делегации верующих лишили себя права ссылаться на «перегибы» на местах. А Церковь Христова с Божьей помощью перенесла тот трудный период и смело смотрит в будущее, зная, что Господь даст сил и дальше переносить все лишения, аресты и разлуки.

Хочу рассказать вам ещё один пример из своей жизни.

Летом 1979 года я был на богослужении в Ростове. Узнав о моём присутствии, на место собрания сразу прибыл наряд милиции. Нарушив богослужение, они арестовали меня и посадили на заднее сиденье «Волги», чтобы отвезти в отделение. Вокруг машины стояло много народа. В основном это были соседи, которые, видя большое скопление милиции, пришли посмотреть, что происходит. Они окружили машину, в которой я сидел, и некоторые женщины, те, что посмелее, заглядывали в открытое окно и спрашивали, указывая на меня: «А что плохого сделал этот человек? Молятся люди, никого не трогают, никому не мешают.

За что вы его увозите?» Окна быстро закрыли. Вместо ответа руководитель этого разгона (забыл его фамилию, он сидел на переднем сиденье) оборачивается ко мне и говорит: «Посмотрите, сколько людей собралось! Если провести с ними беседу, подробно рассказать всю правду о вас и чем вы занимаетесь, а потом пустить вас в толпу, то она разорвёт вас на части». (И, улыбаясь, добавил: «Если мы не защитим!»)

Я согласился с его доводами. По опыту я уже знал, насколько атеисты-пропагандисты способны с помощью самой невероятной лжи настроить народ, чтобы он дружно скандировал: «Распни, распни его!» Но благодарение Богу, ещё не взят Дух Святой, удерживающий людей от полного растления! По милости Господа мы не исчезли! Слава Ему!

Дорогие дети, не смущайтесь, когда и ваше имя пронесут как бесчестное. Радуйтесь и веселитесь в тот час, что злословят вас за имя Иисуса Христа. Это для нас большая честь.

Ваш папа

Письмо шестое

Дорогие мои дети! В этом письме хочу немного дополнить своё повествование о первом воскресном дне моего третьего ареста — 27 января 1980 года.

Я уже писал вам, что два дня, которые я пробыл в Ленинградской милиции, — воскресенье и

понедельник — были совершенно непохожи между собой. Если воскресенье было днём благодарения, славословия и радости, то понедельник был для меня днём вопросов и ответов.

В тот день я выслушал много незаслуженных обвинений и нареканий на Церковь Христа. О всём, что я слышал тогда, не буду писать, но не могу умолчать о некоторых вопросах, побудивших меня к долгим размышлениям.

В предыдущем письме я писал, что находился в камере один. Это было просто необходимо для моей души. За дверью, в коридоре, стоял шум и неслась брань в мой адрес, а я преклонил колени и молился за них, несчастных людей, обманутых атеистической пропагандой.

Один милиционер открыл «кормушку» моей камеры (небольшое окошко в дверях, через которое подаётся пища) и стал расспрашивать: давно ли я стал верующим, в какой семье воспитывался, сколько раз и за что судим. Он задавал и много других вопросов. Завязалась беседа, вскоре ещё несколько человек подошли к двери послушать.

Один из собеседников говорит: «У вас очень много денег». Я спросил, на каком основании он сделал такой вывод.

«Если вы добровольно пошли третий раз в тюрьму, — ответил он, — значит, это дело очень выгодное. В мире всё построено на деньгах. Допускаю, что вы никогда не выйдете из тюрьмы, зато ваши дети будут миллионерами.

Я не стал тогда возражать ему, потому что было бесполезно. А вот с вами, дорогие дети, хочу поговорить об этом серьёзно.

Я стал христианином в семнадцатилетнем возрасте. Совершенно сознательно я вручил себя Господу, желая одного: чтобы Он хранил меня в чистоте и святости во все дни жизни. Я избрал узкий путь Христов не потому, что на нём можно разбогатеть, приобрести славу, получить земное изобилие и т. д. За короткую жизнь я не раз уже убедился на примере своей семьи, что истинных христиан всегда гонят и презирают.

Мой папа учился в вечернем институте и был отчислен (в 1934 г.). Ему сказали, что у них «своих учеников хватает». В 1936 году у моих родителей отобрали паспорта, и они были обречены влачить свою жизнь в голоде. Так что я впервые познал голод не во время блокады Ленинграда (1941 г.), а намного раньше. Отец в 1939 году отошёл в вечные обители, а его семья продолжала скитаться (не только без миллионов, но и без куска хлеба).

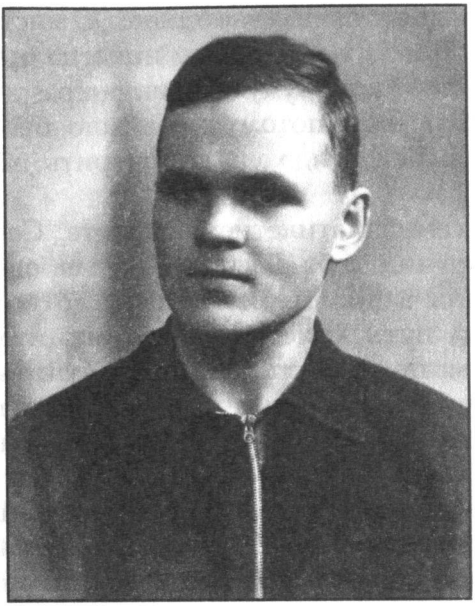
Презрение к себе я ощущал в детстве часто. Бывало, в школе учительница говорила, указывая на меня: «Этот мальчик — сын врага народа». Ведь папа мой был осуждён на пять лет по 58 ст., а это политическая статья. И я молчал. А дома всё рассказывал маме, и она утешала меня как могла. Чаще всего она повторяла: «Сынок, Иисуса Христа больше злословили. Терпи, милый». И я терпел. Когда же достиг совершеннолетия, то избрал для себя путь

Христа — узкий, тернистый. Почему я это сделал? Потому что понял: только этот путь ведёт к вечной жизни во Христе Иисусе.

Прекрасно помню тот вечер, когда Господь коснулся моего сердца. Это произошло 7 декабря 1949 года. Господь посетил меня Духом Святым, Который вошёл в моё сердце, и я стал безмерно счастливым. Помню, я говорил в молитве: «Владыка Господи, владей мною, как Своей собственностью, и приготовь меня к тому, чтобы быть послушным орудием в Твоих руках». Незадолго перед этим мне пришлось говорить проповедь на тему: «Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня».

Меня самого глубоко коснулись эти слова, и я продолжал свою уединённую молитву: «Господи, Ты — мой Пастырь навеки, а я — навсегда Твоя овечка. Пусть Твой жезл всегда будет в Твоей руке. Когда я попаду в опасность — Ты защитишь меня от врагов. А если я сверну с Твоего пути и уйду в сторону, чем-либо прельстившись, испугавшись трудностей или по другой какой причине, то, Господи, употреби Твой жезл и вновь направь меня на правый путь. И если я из-за испорченности своего сердца буду когда-нибудь говорить иначе, то прошу Тебя, Владыка, пусть наш сегодняшний союз будет вечным союзом между Тобой, моим Господом, и мной, Твоим рабом!»

Эта молитва была совершена за закрытой дверью, втайне, и Господь мой, видящий тайное, воздаёт мне явно.



Он посвятил себя Богу в юности, 1949 г.

В ранней юности я и мечтать не мог о большом служении в церкви. Моей заветной мечтой было — стать проповедником Евангелия. И Господь помог мне в этом. С чего я начинал? После собрания я старался знакомиться с одинокими, никем не замеченными людьми. Чаще всего это были студенты, ремесленники, солдаты или матросы.

Постепенно у нас образовался очень дружный кружок молодёжи. Мы собирались для изучения Библии и старались возрастать как в познании Писания, так и в добрых делах. А проповедь Евангелия всегда была на первом месте. Чаще всего это были не проповеди, а сердечные беседы о Слове Божьем. Но никогда в жизни у меня и мысли не было использовать проповедь о спасении для материального обогащения.

Наоборот, всё материальное я расточал ради проповеди Святого Евангелия.

Дорогие мои дети, была ли у вас полная отдача Господу Иисусу Христу? Сосредоточьте на Нём интересы вашей жизни, и Он благословит вас.

О том, как я стал служителем церкви, постараюсь написать в другом письме. Господь да благословит вас, мои милые, во всяком деле благом.

Ваш папа

Группа Ленинградской молодёжи. Михаил Хорев — в первом ряду, в центре, 1955 г.

Письмо седьмое

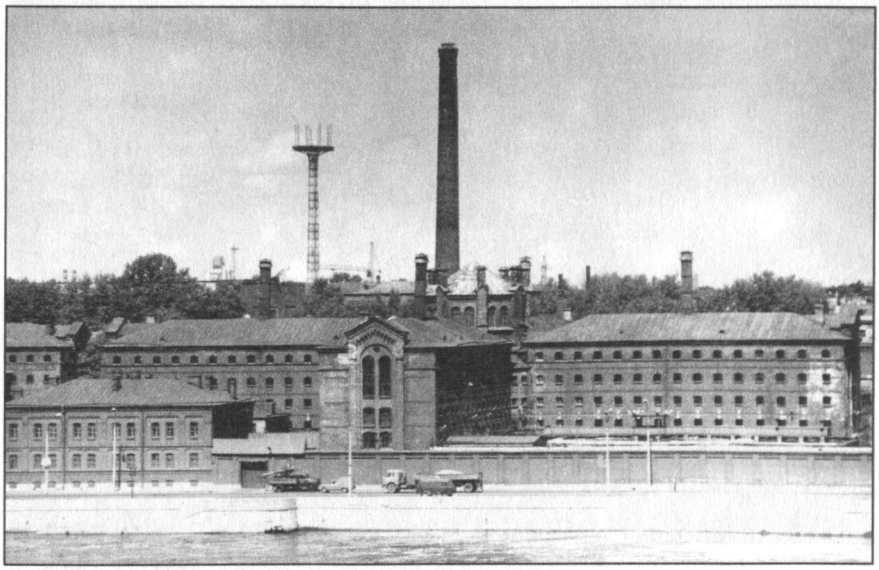
Дорогие мои детки! Как и обещал, расскажу вам в этом письме о третьем дне моего пребывания в

заключении. В прошлых письмах я рассказывал, как меня арестовали в Ленинграде, как поместили в камеру в отделении милиции, взяли отпечатки пальцев, и во вторник я ждал этапирования в «Кресты» (так называют Ленинградскую тюрьму, потому что она построена в виде креста). Я хоть и не новичок, не раз уже был осуждён, но в «Крестах» ещё не был.

Я уже писал вам, что эта тюрьма связана с моим детством. Там в 1938 году находился в заключении мой папа.

«Завтра я тоже пойду по стопам своего отца, — думал я. — А может быть, и в камере той буду находиться?..»

Мои размышления прервал надзиратель. Открылась дверь, и меня пригласили в кабинет дежурного. Через две-три минуты меня передали в распоряжение пожилого неразговорчивого мужчины, одетого в хороший полушубок. Он взял моё дело и дал знак следовать за ним. У подъезда стоял легковой автомобиль «Волга». Я сел на заднее сиденье, рядом со мной — молодой сержант милиции (охрана), а «начальник» сел рядом с шофёром, и машина тронулась.



Знаменитые «Кресты» в Ленинграде

Куда меня повезут? Я хорошо знал город и потому внимательно смотрел, желая определить направление. Вот показался Литейный мост. Справа виднеется Управление КГБ. Может быть, туда? Нет, направо мы не свернули. Здание КГБ осталось позади. «Кресты» миновали. Куда же меня везут? В машине тишина, никто не промолвит ни слова.

Минут через десять всё стало ясно. Едем в аэропорт. И тут возникли новые беспокойства: куда меня хотят отправить самолётом? Вспомнил Георгия Петровича Винса. Его несколько раз доставляли в Москву самолётом, пока не увезли в Америку. Скажу откровенно, стало жутковато. Я внутренне был готов предстать перед судом и защищать учение Христово. Да, я этого желал всем сердцем. Но оказаться за границей? Нет. И не потому, что там нет поля деятельности, не потому что в тех условиях нет нужды

в свидетелях истины Христовой! Мы знаем множество примеров жертвенного служения тружеников, которые отдавали все силы на обширной ниве Божьей. Но что касается меня, то место моего служения — Россия!

За три дня ареста я уже настолько привык к мысли, что являюсь узником, исполняющим посольство Иисуса Христа, что, казалось, никакой другой жизни и не надо мне. И я молился Господу по пути в аэропорт:

«Господи, Боже мой! Цель моей жизни — прославить Тебя в этом мире. Поэтому распоряжайся мной Сам и соверши через меня то, что считаешь лучшим для Твоей Церкви, для Твоего славного имени. Господи, если моё заточение принесёт Тебе славы больше, чем жизнь на свободе, — то зачем мне свобода? Да будет благословен каждый день моего пребывания в тюрьме! Господь, Ты достоин всякой чести, славы и величия! И во всём мире, во всех странах славословят Тебя на разных языках. Но если Ты, Господи, усматриваешь, что я больше прославлю Тебя, находясь на скамье подсудимых, то зачем мне кафедры Запада? И если смерть моя в узах прославит Тебя больше, чем жизнь на свободе, — то зачем мне свобода? Всё от Тебя, Господи, Боже мой, и для Тебя!»

Так я молился и так размышлял. Со мной никто не разговаривал, и я в полной сосредоточенности провёл весь сорокаминутный путь. Потом выяснилось, что я лечу в Кишинёв. Два сотрудника милиции подошли ко мне, и я узнал, что они специально командированы

из Кишинёва, чтобы этапировать меня из Ленинграда в Кишинёв самолётом.

14 вот я в самолёте. 18:00. У меня полная ясность о всём происходящем. Меня отправляют в кишинёвскую тюрьму. Так и не побывал я в «Крестах»! Впереди меня ждут многие тюрьмы, трудные пересылки, жуткие обстоятельства, которые даже невозможно описать, но всё это впереди. В последующих письмах я постараюсь хоть немного описать то, что пришлось пережить, чтобы и вы прославили Бога вместе со мной за Его величие и силу, которую Он являет в трудный час, за Его мир и покой, который Он даёт усталому и изнемогшему в пути. Очень о многом хочу я вам написать, если тому будут споспешествовать обстоятельства.

Итак, я в самолёте. Смотрю в иллюминатор и вижу, как соседний самолёт направляется к взлётной полосе, а наш — за ним. Тот самолёт взял курс на Москву, а наш — на Кишинёв.

Я благодарил Господа за чудный вечер. Ведь я летел самолётом! Каждый, кто хоть раз был в тюрьме, хорошо знает, что такое долгие этапы. Но вместо того, чтобы 40-50 дней скитаться по тюрьмам от Ленинграда до Кишинёва, я преодолел это расстояние за два часа. Господь и в этом оказал мне помощь. И об этом я часто впоследствии вспоминал.

Как я уже сказал, наш самолёт взял курс на Кишинёв. Сидящий рядом милиционер всё время молчал, и у меня была возможность на протяжении всего пути размышлять. Я думал о предстоящем

судебном процессе, и мне пришло на память событие двадцатилетней давности.

В 1960 году я первый раз летел самолётом Ленинград— Кишинёв на всесоюзное совещание молодёжи. Это совещание проходило 7-8 ноября под Кишинёвом, в Трушенах. Нужно отметить, что это было первое совещание такого уровня в нашей стране. Считаю себя обязанным рассказать подробно об этом совещании и постараюсь сделать это в последующих письмах. А пока скажу, что для меня было весьма значительно — та первая и эта последняя поездка в Кишинёв ознаменовали двадцатилетие моего служения! Для чего я туда лечу? И отвечаю себе: «Отчитаться за двадцатилетнее служение Господу».

Господь да пребудет с вами, мои милые сыновья!

Ваш папа

На празднике Жатвы в Ленинграде, 1979 г.

Письмо восьмое

Приветствую вас, дорогие мои дети!

В этом письме хочу рассказать о своём последнем прибытии в Кишинёв. За двадцать лет моего служения я очень часто приезжал в этот город. Во-первых, в феврале 1962 года мы решили переехать из Ленинграда в Кишинёв, и этот город стал местом постоянного жительства моей семьи. Во-вторых, тогда я совершал служение благовестника при Совете церквей и постоянно был в разъездах, но иногда, раз в месяц, а то и реже, всё же ездил домой. В-третьих, я и по Молдавии совершал служение, а это значит, что в Кишинёве мог бывать немного чаще, чем тогда, когда находился на служении в Сибири или в Средней Азии.

Итак, я обещал рассказать о последнем приезде в Кишинёв. В прошлых письмах я писал вам о моём последнем аресте и как меня на третий день, вопреки всем ожиданиям попасть в Ленинградскую тюрьму «Кресты», отправили самолётом в Кишинёв.

29 января 1980 года в 22:00 я прибыл в Кишинёв под конвоем. Полёт прошёл очень быстро. Я о многом вспоминал. Особенно о своей первой поездке по этому маршруту двадцать лет назад. Меня очень радовало то обстоятельство, что буду защищать учение Иисуса Христа там, где двадцать лет назад на всесоюзном совещании христианской молодёжи впервые открыто сделал призыв не отступать от повелений Божьих и

противостоять всякому нечестию, внедряемому в церковь. Конечно, то были первые шаги, но всякий плод созревает в своё время.

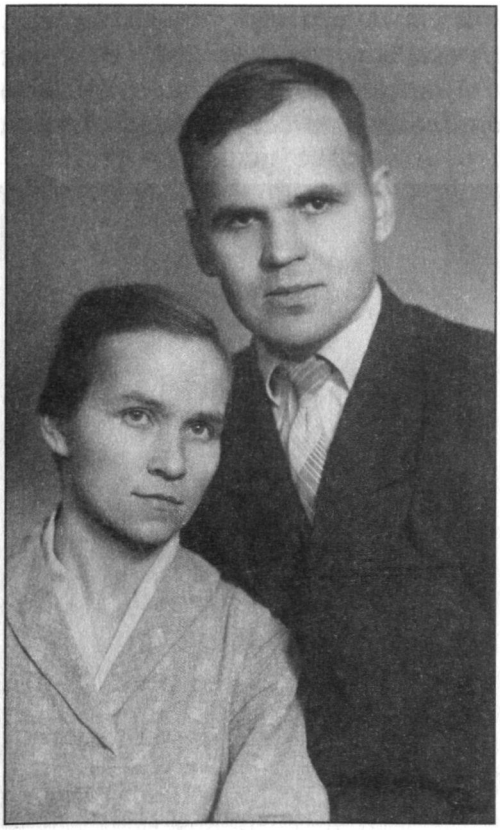
Итак, самолёт прибыл в Кишинёв. Первым вывели меня. Недалеко от самолёта уже стояла «Волга». Я опять сел на заднее сиденье (как несколько часов назад в Ленинграде), и мы поехали. Вечер тихий. Обозрение хорошее. Я знал, что сейчас увижу свой дом, ведь дорога проходит мимо! О, сколько волнения и святых чувств!

После обыска

Машина остановилась у светофора. На тротуаре ни души. Я не знал тогда, что в это время заканчивался обыск нашей квартиры. Это был уже шестой обыск за мою жизнь! Немало. Но подробно об обысках напишу в другой раз, а сейчас хочу поделиться с вами теми

переживаниями, которые наполняли мою душу по дороге из аэропорта в тюрьму.

Когда я последний раз обернулся и посмотрел в сторону своего дома, сердце моё особенно затосковало. О чём я подумал? Об этом-то и хочу рассказать.



В день росписи в ЗАГСе. Ленинград, 1961 г.

Я очень люблю свою семью, всех вас, мои родные. Люблю большой, глубокой, полной любовью. Можно было бы об этом и не писать, но я делаю это только потому, что хочу сказать всю правду, как она есть. И всех вас благодарю за взаимность в любви! Но хочу добавить, что Господа я люблю больше. Поэтому я оставил свой дом и с полной отдачей сил совершал служение на Божьей ниве. О, сколько раз за эти двадцать лет мне хотелось поехать домой и пожить вместе с вами! Но часто я на это не имел никакого права.

Рассудите сами: не мог же я оставить служение только потому, что хочется побыть в своей семье! А

искушений было много. И никогда я в этом не имел бы победы, если бы не помощь с вашей стороны.

Часто вспоминаю день моего рукоположения. 14 июля 1962 года Григорий Антонович Руденко и Геннадий Константинович Крючков рукополагали меня на служение благовестника. Они задали вопрос моей жене, которая стояла в трёх-четырёх шагах от меня: «Сестра Вера, согласна ли ты, чтобы твой муж принадлежал, во-первых, Богу, во-вторых, церкви, а в-третьих, тебе?» Я боковым взглядом наблюдал за своей женой и не знал, как она ответит. Вернее, я знал, что она ответит положительно на этот вопрос. Ведь в том, что она больше всего на свете любит Господа, — я не сомневался! Но в какой форме будет ответ, какими словами она выразит своё согласие — я не знал.

Одно мне было ясно, что заданный вопрос очень глубокий и ответ должен быть глубоко осознан и сказан раз и навсегда.

Все смотрели на неё и ожидали ответа. А она от глубокого волнения ни одного слова не сказала и только кивнула головой в знак согласия. Из её глаз текли обильные слёзы. Служитель продолжал: «Дорогие друзья! Сестра согласна отдать своего мужа на постоянное служение. И мы понимаем, дорогая сестра, переживания твоей души. Будет трудно тебе, но Господь с тобой, Он принимает твою жертву, и ты не останешься без успеха и плода. Да поможет тебе Бог быть доброй помощницей твоему мужу...» И ещё что-то говорили братья, я всё не помню. Главное, что было в тот день, — это наша совместная отдача на

служение Господу! И эту поддержку я ощущал на протяжении всего периода служения.

За двадцать лет труда о многом можно рассказать. Да я и обязан это сделать. Почему? Потому что жизнь моя и моей семьи не похожа на жизнь большинства христиан. Другие дети могут быть со своими отцами каждый день, а вы не можете. Я находился в разъездах, но даже когда случалось быть дома — редко уделял вам внимание, это вы знаете лучше других (всё некогда).

Начало совместного пути

Помню, как однажды пообещал провести с вами вечер, но пришли к нам братья со своими нуждами, и опять не получилось столь желанного общения. Мамочка говорит: «Ты хоть не обещай им, а то верить не будут. Они же не понимают, что у тебя нет времени».

Да, я всегда так молился и сейчас продолжаю просить: «Господи, моё отсутствие восполни Твоим присутствием в моей семье!» Бы с раннего детства ходите по тюрьмам на короткие свидания со мной или приносите мне передачу. Вы научились писать мне в узы письма, которые всегда ободряют меня.

Когда машина остановилась у светофора рядом с моим домом, я смотрел на знакомую пустынную улицу, дорогой моему сердцу дом и мысленно говорил: «Господи, я оставил всё и последовал за Тобой. Благослови мой следующий тюремный этап и утешь мою жену, моих детей, дорогую церковь, которая так нуждается в служителях! О, если бы мои дети, Господи, были избраны Тобой на служение!» Такими были мои размышления у светофора.

Б следующем письме продолжу.

Ваш папа

Письмо девятое

Дорогие мои дети! Хочу продолжить мысль, которую высказал в предыдущем письме.

Я писал вам, что 29.01.80, проезжая под охраной мимо своего дома и увидев в окошко родные места, сказал: «Господи, я оставил всё и последовал за Тобой!» При этом состояние души моей было прекрасное и взволнованное. Я знал, что меня привезли в Кишинёв, чтобы судить как христианина. Ещё раз в жизни со скамьи подсудимых я должен защищать истину Божью,

поэтому не могло быть сожаления об избранном пути. Я всегда благодарил Бога за то, что Он удостоил меня такой великой чести: следовать за Ним и служить Ему!

Апостолы последовали за Иисусом Христом, оставив всё. Поэтому вопрос Петра кажется вполне естественным: «Господи, мы оставили всё и последовали за Тобою; что же будет нам?» Иисус Христос не посчитал этот вопрос лишним, нескромным. Не сказал Он в этом случае: не знаете, чего хотите. Ибо все последователи Христа должны знать, во имя чего они подвизаются, оставив всё. Христос ответил им, что тот, кто последовал за Ним, уже здесь, на земле, получит воздаяние во сто крат, а на небесах — жизнь вечную.

Дорогие мои дети, в этом письме я не буду говорить о наградах земных или небесных (хотя и это прекрасная тема для рассуждения), но остановлюсь на первой части вопроса апостола Петра: «Мы оставили всё и последовали за Тобой».

Вы как-то спрашивали меня, трудно ли идти за Господом, оставив всё? Да, оставить всё и последовать за Господом очень трудно. Я вручил Господу свою жизнь ещё в ранней юности, а моё посвящение на служение Ему произошло 14 июля 1962 года. И за всё время служения мне не раз думалось, что не выдержу такого большого напряжения духовных и физических сил.

Не буду перечислять, сколько раз меня доставляли с богослужения в милицию, сколько раз штрафовали, сколько раз и от кого я был в опасности, кто мне больше всего принёс огорчений в служении и т. д. Все эти вопросы оставлю в стороне. Но об одном эпизоде из моей жизни, о котором вы не знаете, напишу подробно.

М. И. Хорев, П. Ф. Захаров, И. Д. Бондаренко, 1966 г.

Так как я был благовестником при Совете церквей, мне приходилось часто бывать в разъездах и большей частью посещать Сибирь и Среднюю Азию. В 1963-1964 годах чаще всего я совершал служение с уже почившим ныне братом Павлом Фроловичем Захаровым (чудный это был служитель!).

В марте 1964 года мы были во Львове на совещании служителей, через неделю должны были поехать в Киев и оттуда отправиться в Сибирь. Павел Фролович говорит мне: «Пока ты недалеко от дома, поезжай на два- три дня навестить семью. А я эти дни побуду здесь. В Киеве мы встретимся и поедем дальше».

Я обрадовался этому предложению и на следующий день прибыл в Кишинёв. Поднимаясь по лестнице нашего подъезда, услышал громкий детский плач.

«Не в моей ли семье?» — встревожился я.

Торопливо подошёл к своей квартире, открыл дверь ключом... и что же я увидел? В коридоре на полу лежала ваша мамочка. Около неё стоял Ванюша и громко плакал, а в кроватке Павлик не уступал в громкости старшему брату.

Я не стал расспрашивать, что случилось. Скорее помог мамочке лечь в кровать и стал успокаивать детей. Оказывается, они были голодные и просили кушать. В это время у мамы был сильный приступ (связанный, наверное, с болезнью печени, а может быть, и другое что). Словом, она не могла встать и что-то сварить. Но иного выхода не было, и она поползла на кухню, чтобы что-то приготовить.

Я тогда сделал всё, что было в моих силах: сходил в магазин, сварил молочную кашу и ещё что-то, не помню, и занялся небольшой стиркой.

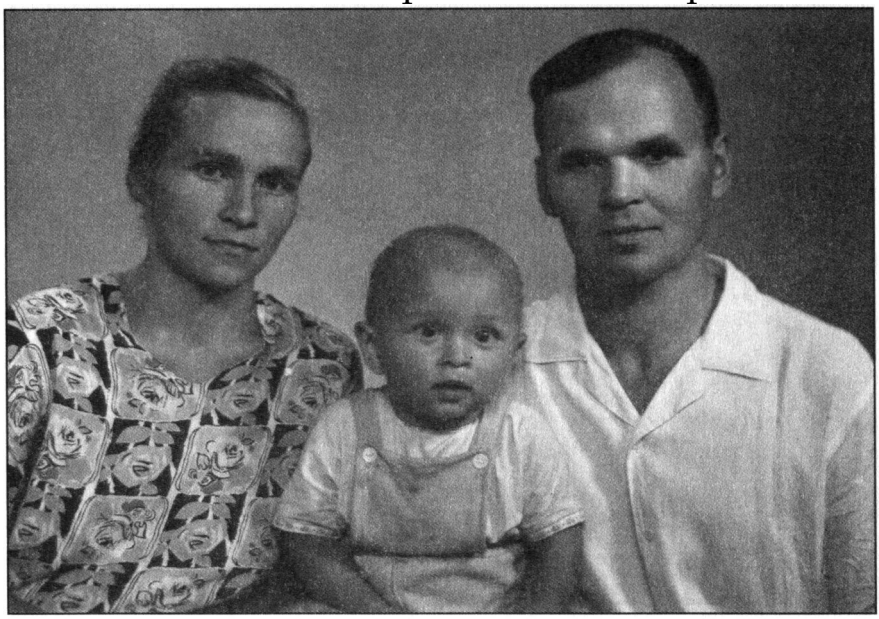
Вечером было богослужение в нашей церкви. Я немного колебался: может, остаться дома, ведь в моей помощи есть нужда!

«Церковь будет очень рада, увидев тебя. Оставь всё и иди на собрание, — предложила мамочка. — Я не имею права задерживать тебя, когда ты нужен церкви».

Я был глубоко тронут такими рассуждениями!

На следующий день ей стало легче, она поднялась, но чувствовала себя очень слабо. Узнав, что в пятницу вечером я опять должен быть далеко от дома, она сказала: «Как чуден наш Господь! Он посылает помощь в самое нужное, критическое время, когда нести крест, кажется, нет больше никаких сил!»

Мы совершили благодарственную молитву за выздоровление, за помощь, за встречу, и я стал собираться в дорогу. Всего два дня мы были вместе! Я думал: хорошо ли поступлю, если уеду надолго, оставив больную жену с маленькими детьми? Своими переживаниями поделился с ней. Она ответила: «Ты помнишь, какой вопрос задали мне братья при твоём посвящении на служение? Во- первых, ты принадлежишь Господу, во-вторых, — церкви и только потом — семье». И вновь расставание, но радостное.



Молодые супруги с первенцем, 1963 г.

Вы спросите: неужели некому было помочь нашей семье, ведь в церкви очень много добрых душ! Истинно так. Помочь есть кому, и многие помогали, слава Богу! Но расскажу вам и о другой трудности, о которой никогда раньше не говорил.

Не многие способны оставить всё и посвятить себя служению. В этом вопросе наша семья встречала много недопониманий. Неверующие, узнав, что меня часто не бывает дома, говорили мамочке: «Как нам жаль тебя! Возьми развод со своим мужем, если он не хочет воспитывать детей...» Но о таковых я и говорить не хочу, им не понять, что такое служение Богу. Среди верующих тоже было много суждений и толков. Приведу лишь некоторые:

«Почему ваш муж уезжает на служение, когда семья нуждается в его присутствии?»

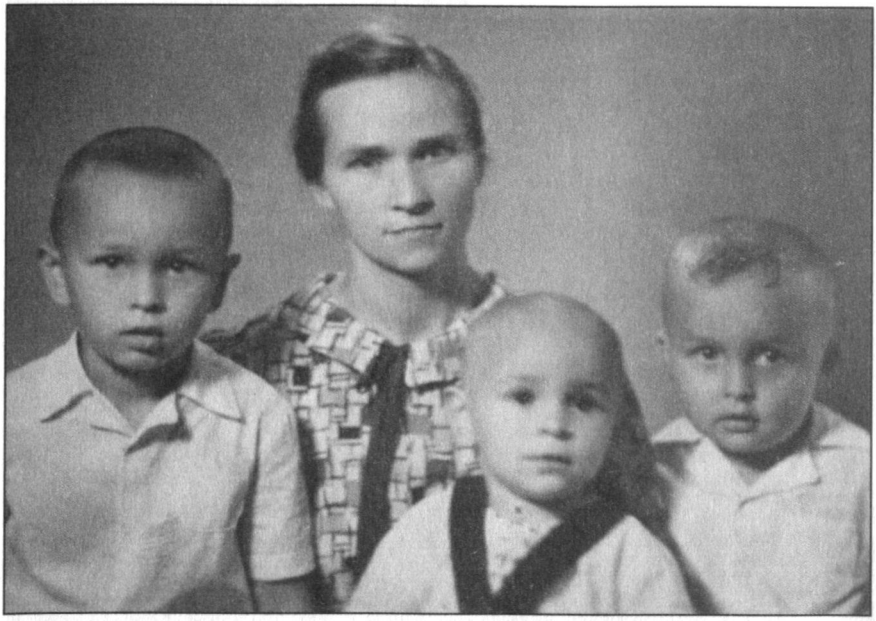
«Написано: „Кто не печётся о своём доме, тот отрёкся от веры и хуже неверного". Брат Миша знает это место Священного Писания, почему же он...»

«Сестра Вера, мой муж не такой. Если он заметит хоть малый недуг у меня, то ни за что не оставит одну и будет делать всё по дому сам, а вот твой...»

«Верочка, неужели ты выходила замуж только для того, чтобы постоянно жить в одиночестве?»

Милые дети, не буду перечислять всевозможные толки людей, хотя и мог бы продолжить, но это ни к чему. Каждый рассуждает в меру своего духовного развития. Многое зависит от того, какую цель мы ставим в жизни. Всё это я написал для того, чтобы возбудить в вас дух благодарности Богу за то, что Он

дал всем нам силы всё пережить и не оставить служения Господу.



Без отца, 1967 г.

У меня, милые, есть предложение, вернее, просьба к вам: рассудив обо всём прошлом, совершите благодарственную молитву (пока Ванюша не уехал в армию). Скажите доброе пожелание из Священного Писания мамочке, но прежде: удалите всё, что может препятствовать вам в молитве, попросите друг у друга прощения, если когда-то были огорчения, и напишите мне подробно, как прошёл этот вечер.

Вы скажете, что у вас мало времени. Знаю. Оставьте всё, всё, всё! Сделать это очень важно сегодня! Верю, что Господь обильно благословит вашу жизнь. На этом буду заканчивать. Желаю в следующем письме продолжить начатый разговор о нашем служении Богу.

P. S.

Прошло три дня, дорогие мои дети, как я написал это письмо, сейчас пора его отправлять, но, прочитав, я немного смутился: стоит ли говорить детям о трудностях? Поймут ли они меня? Не осудят ли тех, кто неверно понимал моё служение и положение моей семьи?

После некоторых рассуждений решил всё же отослать это письмо, но предупреждаю: не судите никого никак прежде времени. Наше служение тогда только начиналось. Верующие привыкли жить под гнётом человеческих постановлений и многие в первое время с недоверием смотрели на это великое движение, которое Господь начал в нашей стране.

В последующих письмах постараюсь подробнее об этом написать, чтобы вы со своими сверстниками воздали славу нашему Господу...

Ваш папа

Письмо десятое

Дорогие мои детки! Приветствую вас любовью Бога, Которому служу с юности от всего сердца.

В этом письме хочу продолжить своё повествование о пути, по которому вёл меня Бог. Я уже писал вам, что меня самолётом этапировали в кишинёвскую тюрьму.

И вот я в Кишинёве. В 22:00 на автомобиле «Волга» меня подвезли к дверям тюрьмы. Позвонили. Открыл

дежурный. Я вновь переступил знакомый порог, ведь в прошлый арест меня содержали здесь под следствием. Произвели личный обыск и отвели в камеру на третьем этаже. В камере нас было двое.

Расскажу о первом вечере на новом месте. Я был совершенно спокоен, доверив Господу дальнейший путь жизни. У меня оставалась одна забота: защищать учение Иисуса Христа на скамье подсудимых. Это мой жребий, как служителя и как христианина, — об этом я молился Богу. Теперь это третий срок моего заключения, а может быть, и последний. Если это так, то да будет имя Господа благословенно! Отойти в вечность на тюремных нарах — блаженная участь для христианина. Но об этом не всегда думаешь, хочется ещё жить, но жить для того, чтобы исполнить всю волю Божью.

Вы как-то спрашивали меня, почему я больше нахожусь в заключении, чем другие служители. Отвечу: во- первых, есть те, которые страдают за Слово Божье больше, чем я; во-вторых, не всем предназначен Богом один путь, одно служение. Самое главное — не уклоняться от страданий за имя Господне. Я всегда боялся нарушить волю Божью в отношении меня. Каждому из нас судья — Бог. Есть верные служители Христовы, преданно служащие Господу, но у них другие жизненные обстоятельства. Всем руководит Бог.

Были в моей жизни большие искушения, когда мне предлагали избежать тюрьмы, избрав спокойное

служение в церкви: жить дома, разъезжать по общинам и т. д. Вот один из таких примеров.

Дело было 19 мая 1966 года. Брата Г. П. Винса и меня арестовали в Москве и держали в Лефортовской тюрьме КГБ. Санкцию на арест мне не предъявляли в течение тринадцати суток. На четырнадцатый день вызвали к следователю. В кабинете находился какой-то незнакомец, который и «решал» нашу судьбу. Назвать свою фамилию и должность он наотрез отказался. Вёл разговор только он. Спросил, куда я поеду, если сегодня меня отпустят домой. Я сразу понял, что от меня хотят, и мысленно сформулировал фразу, которую им хотелось бы услышать: конечно, поеду домой, ведь у меня жена, маленькие дети... Но нет! Я решил иначе и ответил: «Вы знаете, что я благовестник при Совете церквей. Уже две недели, как вы содержите меня здесь, отвлекая от возложенных на меня обязанностей.

Вне всякого сомнения, я буду продолжать служение, на которое меня призвал Бог и которое доверила церковь».

Он посмотрел на меня испытующе и сказал: «У вас больная жена, трое маленьких детей. Да и община нуждается в служителе... Вот и живите дома, ведите служение, как считаете лучше. Я понимаю, что диапазон ваш больше, вам мало одной общины, но в Молдавии много общин, пожалуйста, посещайте! Почему вы считаете, что вам нужно ездить обязательно по всей стране?»

Слушая его, я молча качал головой, давая понять, что его предложения для меня не приемлемы.

Он это видел, но продолжал: «Стоит получить первый срок, а потом вас будут арестовывать по любому поводу. Не играйте с огнём! Больше того, зачем вам сидеть в заключении три года? Не лучше ли для вас, для вашей семьи, для ваших верующих, чтобы вы эти три года были дома? Завтра исполняется пятнадцать суток вашего задержания. Если вы согласны с нашими предложениями, то мы оформим вам задержание за мелкое хулиганство в здании ЦК КПСС...»

Дорогие мои дети, не знаю, способны ли вы правильно понять меня, но я отверг все их предложения. Помню, как, войдя после этого разговора в камеру, я упал на колени и молился: «Господи! и Тебе дьявол предлагал, казалось бы, безобидное и даже полезное, но Ты всё это отверг. Если Тебе угодно, чтобы я шёл домой и моё служение стало другим, то я готов на всё. Но договариваться о чём-либо с недругами Церкви Твоей — не могу». И я предпочёл страдать с народом Божьим. Вот так с того дня и пошли мои скитания по тюрьмам...

В жизни я очень часто стоял перед выбором: «да» или «нет». Например, наступает праздничное общение. Собирается много молодёжи. В таких случаях я старался ни на кого не возлагать ответственности, зная, что организаторам вменят общение в вину и будут судить. Имею ли я право отойти в сторону и сохранять себя? Нет. Меня трижды

судили, и каждый раз в обвинительном заключении фигурировал один из эпизодов организации молодёжных общений. Я рад, что удостоился такой чести.

Некоторые говорят, что служителя надо беречь. Это очень верно. Но служитель не имеет права беречь себя из страха перед гонениями. Верующие плакали и уговаривали апостола Павла не идти в тот город, где очень опасно. А он решительно отверг их уговоры: «Что смущаете сердце моё?..» Надо понять и верующих — они дорожили своим служителем. И это очень хороший признак. Но истинный пастырь не убегает при виде опасности, он полагает душу свою за вверенную ему паству.

В детском лагере, 1977 г.

Вы как-то спрашивали, было ли у меня когда-либо колебание? Отказался ли я хоть раз от какого-нибудь служения, чтобы избежать новых страданий? Вся жизнь — борьба. Искушений было много. Но я всегда

старался с Божьей помощью одерживать победу над собой. Это прежде всего. Благодарю Бога и за свой путь, и за Его помощь.

Ваш папа

Письмо одиннадцатое

Дорогие мои дети! С большой радостью приступаю к сегодняшнему письму и расскажу вам о суде в Кишинёве в апреле 1980 года.

Это был уже третий суд в моей жизни, но накануне его я волновался, как новичок. Дату суда я знал ещё за семь дней и много думал: кто придёт, что буду говорить в защиту дела Господнего и так далее.

Я знал, что меня осудят по четырём статьям и дадут пять лет лагерей строгого режима. Об этом говорилось в обвинительном заключении. Конечно, много в нём было вымышленного и даже абсурдного. Например, кому не понятно, что в селе Чучулены во время бракосочетания (брата Миши с Ритой) никаких нарушений советских законов не было!

«Если мы все вышли на улицу и пошли по дороге, — говорил я следователю, — что же в этом противозаконного? По молдавским обычаям жених с невестой и все приглашённые во второй половине свадебного торжества идут из дома жениха в дом невесты, и никого ещё за это не судили, наоборот, народные обычаи поощряют!»

«На то и суд, чтобы во всём разобраться, — улыбаясь, отвечал следователь. — За нами последнее слово! А пять лет на далёком севере отбыть всё-таки придётся!»

Это только один эпизод из обвинительного заключения. Все остальные обвинения построены точно так же. Поэтому подробно останавливаться на них нет смысла. Лучше напомню о событии, свидетелями которого были и вы.

Я всегда старался быть в гуще молодёжных дел, особенно, когда проходили большие молодёжные общения. И хотя я понимал, что только одно моё присутствие будет рассматриваться как «уголовное преступление» и что меня непременно обвинят в организации, всё же всегда старался принимать активное участие. Более того, я никогда не хотел ставить кого-либо под удар и старался не уклоняться от руководства молодёжными общениями. Почему? Потому что знал: наши общения не пройдут незамеченными. Так почему же я должен подвергать опасности какого-либо брата, а сам оставаться в тени?

На такие общения приходит много молодёжи, которая впервые слышит о Господе. Немало бывает и тех, кто слышал весть о спасении, но всё ещё не отдал своего сердца Господу. В ходе общения возникает много непредвиденных вопросов, как было, например, 2 мая 1979 года, поэтому на руководителе лежит очень большая ответственность и перед Богом, и перед церковью, и перед внешними. И почему-то последним настолько не понравилось это благословенное

общение, что меня обвинили за его проведение по всем четырём статьям!

Существует такой порядок: по окончании следствия обвиняемый получает для ознакомления весь собранный на него материал, после чего он может возбудить ходатайство по тому или иному пункту обвинения. В начале апреля я несколько дней знакомился с объёмистым двухтомником обвинительного заключения, которое собрал на меня следователь по особо важным делам Цуркан.

Каково же было моё удивление, когда из протоколов я узнал, что все свидетели, которые проходили по моему делу (а их было более 30!), были сотрудниками милиции, дружинниками и людьми, специально посланными наблюдать за нашим богослужением!

Вот показания жителя села Кицканы: «2 мая 1979 года меня вместе с другими сотрудниками привезли на машине в лес, где я увидел верующих, которые пели, молились, играли на музыкальных инструментах. Между деревьями был натянут плакат религиозного содержания. Кто-то читал проповеди, кто-то декламировал стихотворения. Народу было у них много, человек 400-500. Наша группа захватила с собой мяч, и мы играли рядом с ними. Меня удивило одно: когда я, как бы случайно, бросил мяч в сторону верующих, думая отвлечь этим детей и молодёжь, мальчик из их группы взял наш мяч (ему было лет 10-12) и принёс его нам, аккуратно положил на землю и пошёл опять в толпу верующих».

Свидетеля удивило то, что ему не удалось отвлечь от богослужения даже детей и что этот мальчик не стал играть чужим мячом. Следователь, основываясь на таких показаниях, поставил мне это в вину как руководителю.

Прочитав это, я торжествовал. Слава Богу за нашу молодёжь, за детей, которые имеют возможность видеть неприглядное лицо безбожников и испытывать на себе поношение за имя Господа. Мои дорогие дети, вы в своей жизни также испытали очень много подобного.

Да, я был руководителем этого благословенного общения, на котором многие (в основном молодёжь) отдали своё сердце Богу и получили прощение грехов.

В ходе общения мне передали записку с просьбой совершить молитву о брате, уходящем в армию. Я прочитал записку вслух и предложил автору выйти на середину. Но вместо одного вышло сразу девять! Все они на следующей неделе уходили в армию. Я раскрыл Евангелие и прочитал им слово наставления, затем один из пресвитеров также сказал им напутствие, и мы совершили о них молитву. Вот и всё.

Но прокуратуре понадобилось большее. «Свидетели», которых они привлекли, были все сотрудниками милиции и дружинниками. Они заявили: «Хорев призывал юношей не идти в армию!» Это утверждали те «свидетели», которых привезли в лес для того, чтобы они мешали нашему служению. Эти же свидетели, оказывается, были одновременно и

теми «отдыхающими», которым верующие мешали отдыхать в лесу!

Я спросил следователя: «Каким образом ваши работники могли слышать то, что я говорил молодым братьям? Во- первых, у нас не было микрофона, и стоящие сзади почти ничего не слышали, тем более те, которые за сто метров играли в мяч или распивали спиртное. Главное же — я вообще не говорил о том, чтобы верующие не шли в армию! Мы благословили юношей, помолились о них Богу и дали им пожелания из Священного Писания».

«Суд разберётся!» — ответил следователь.

При закрытии дела я воспользовался правом на ходатайства и попросил снять показания с нескольких верующих (назвал их имена), которые могут подтвердить, что призыва отказываться от службы в армии не было.

Через несколько дней меня вызвал следователь и сказал, что в этом ходатайстве отказано. Им очень нужно было это обвинение, чтобы за такие «действия» осудить меня на пять лет.

Я излагал и другие просьбы, но меня лишили абсолютно всякого права.

Как-то раз в личной беседе следователь спросил: «Какое пожелание вы давали юношам?» Я кратко ответил: «Чтобы они везде были примерными христианами, всегда находили время для молитвенного общения с Богом и чтобы использовали всякую возможность иметь при себе Священное Писание». Я ещё говорил, но следователь, махнув

рукой, перебил: «Обвинение выдвигается справедливое! Если взять в основу хотя бы ваше пожелание, то пять лет вам обеспечено!..»

Ваш папа

Письмо двенадцатое

Мои милые дети... Сего дня хочу продолжить воспоминания о чудных делах Божьих в моей жизни и о тех путях, которыми вёл меня Господь.

В предыдущих письмах я рассказывал вам о пребывании в тюрьме в ожидании суда. И вот этот очень ответственный и очень радостный день в моей жизни настал.

В чём меня обвиняют, я знал (заключительное обвинение находилось у меня). Знал, что мне дадут пять лет строгого режима, то есть самый большой срок, на который только можно осудить по четырём статьям, предъявленным мне в обвинение.

Для меня было очень важно: мужественно защищать истину Христову со скамьи подсудимых, а также ободрить свою семью и дорогую церковь. И ещё очень важно было, чтобы люди, которых специально пригласили на суд, поняли, что сегодня в лице служителей Христовых, желающих исполнять Божью волю, судят Самого Христа.

И вот настал долгожданный день. Почему я говорю долгожданный? Потому что я очень устал в подследственной камере. Хотелось уже в лагерь, где

есть хоть немного свежего воздуха, а главное — там будут свидания, встречи с семьёй. Хотя они и нечасты — в год одно личное свидание и два общих по два часа, это всё же встречи. На общем свидании приходится говорить по телефону и видеть родных через два стекла. При моём плохом зрении это, конечно, очень удручает. Но всё-таки есть встречи с дорогими моему сердцу. И ещё: в лагере я смогу два раза в месяц писать вам письма! Слава Богу!

На суд меня доставили не как всех заключённых. Обычно тех, кого везут на суд, содержат в общих боксиках, пока соберут всех. Затем подсудимых сажают в воронки (которых в тюремном дворе бывает от 4 до 6) и развозят по судам в сопровождении милиции.

Так поступают со всеми, но не со мной. Как только привели в «привратку», то есть в камеру, которая находится с внутренней стороны тюремных ворот, меня сразу же окружили милиционеры, солдаты, офицеры. Все они уже знали, кто я и за что меня будут судить. Среди них были и те, которые приходили разгонять наши богослужения. Конечно, я их не знал, но они меня запомнили.

Пока мной занимался парикмахер, сотрудники милиции переговаривались между собой.

«Однажды послали нас разогнать верующих, — говорил один из них. — Они в воскресенье собрались на свою сходку. Я первый раз пришёл к ним. Смотрю, они поют, один проповедует. Мы приказали разойтись, а они встали на колени и молятся. Было бы легче, если

бы вся эта компания была пьяная, если бы они дрались или оказывали нам физическое сопротивление... Но с этими людьми не знаешь как поступать. Я был у них всего один раз, и хорошо было бы никогда больше не попадать к ним».

Конечно, я вмешался в разговор и сказал им о Господе то, что было возможно сказать в тех условиях.

Затем меня одного в сопровождении десяти солдат повели к машине. Ехали недолго: суд назначили в одном из заводских клубов Кишинёва. Меня предупредили, чтобы шёл не оборачиваясь, держа руки за спиной, в противном случае угрожали надеть наручники. Как только я вышел из машины, сразу посмотрел по сторонам: нет ли кого из близких? Вокруг стояли чужие люди, специально присланные на суд.

«Слава Богу, — думаю, — и эти люди услышат благую весть, если не во спасение своих душ, то во свидетельство».

Дойдя до двери, я услышал: «Михаил Иванович!» Издали не смог узнать человека, хотя он махал мне рукой.

«Слава Богу, — думаю, — значит, суд не тайный, как было в прошлый раз».

Вошёл в зал. Народу много, но нет ни одного из близких. Суд начался без вас. Судья спросил: не возражаю ли я, чтобы суд шёл при данном составе?

«Не возражаю, — ответил я, — но почему нет моей семьи, нет моих друзей?»

Судья заверил, что они будут в зале на протяжении всего процесса, но пока надо начинать суд так.

Обычные формальности: мне предлагают адвоката.

«Я — христианин, меня будут судить за служение моему Господу, — сказал я, — а адвокат — атеист. Разве он может понять меня? Если бы адвокат был верующим, я согласился бы с его участием в процессе».

Суд, посоветовавшись на месте, отклонил моё возражение и назначил мне своего адвоката, которого я видел впервые. Судья объявил перерыв на два часа, чтобы я познакомился с защитником.

И тут в зал суда вошли вы, мои дорогие! Увидев вас, я сразу понял, что и вы не согласны с навязанным адвокатом. Верующий адвокат из ФРГ согласился защищать меня, но ему не позволили.

В следующем письме продолжу наш разговор. Господь с вами!

Ваш папа

Письмо тринадцатое

Дорогие мои дети... Был ли в вашей жизни такой день, когда вы стояли перед выбором пути, сознавая, что от вашего решения в данную минуту будет зависеть вся дальнейшая жизнь?

У меня это было 7 декабря 1949 года. В этот день я отдал своё сердце Господу и Он стал моим Богом.

Прошло более тридцати лет, а наш союз с Ним нерасторжим.

Представ перед судом, я не делал выбора, не раздумывал, что сказать. Этот выбор я сделал однажды, и теперь моя жизнь протекает согласно ему. На суде я не защищал себя, нет. Меня как будто не существовало. Весь смысл моих выступлений состоял в том, чтобы защищать Христово благовествование в нашей атеистической стране.

Как я уже писал вам, судья заявил, что для знакомства с адвокатом мне достаточно двух часов. Меня под охраной завели в комнату, где мы познакомились.

Как человек, адвокат — хорошая женщина, но она была совершенно незнакома с жизнью верующих! В своей практике она впервые встретилась (в довольно зрелом возрасте) с таким подсудимым, как я.

«Прежде всего хочу сказать, — начал я, — что виновным себя не признаю...» Я объяснил адвокату, что все верующие, желающие верно служить Господу, никогда не смогут исполнять существующее законодательство о религиозных культах, так как его статьи носят явно противоевангельский характер. А это значит, что все верующие становятся нарушителями 142-й статьи Уголовного кодекса, предусматривающей лишение свободы за нарушение законодательства. Дать обещание исполнять такой безбожный закон — значит отречься от Евангелия, значит стать отступником от Божьих заповедей. Поэтому верующие стоят перед выбором: или

отречься от Бога и получить за это свободу от гонений, или остаться верными Христу, но подвергнуться за это преследованиям.

Что касается меня, то я избрал второе, потому что спасение — центральный вопрос моей жизни, и ради Господа я готов здесь лишиться всего, только бы остаться верным Ему и войти в Небесное Царство.

Более того, как служитель Христов я обязан предупреждать христиан о грозящей опасности оказаться неверными Богу и совершенно открыто писал об этом в журнале «Вестник истины», в статье «Святое неповиновение». Говорил я об этом и на различных совещаниях служителей, и на многочисленных членских собраниях, где мне приходилось бывать. Я всех учил повиноваться властям и почитать их. Но если они начинают посягать на наши взаимоотношения с Богом, и, будучи атеистами, учат, как молиться Тому Богу, в Которого сами не верят, то нам надо иметь мужество противостоять этим повелениям, невзирая на последствия и на то, какую цену придётся заплатить за свою верность Богу. Если в этой борьбе нам придётся даже отдать жизнь — отдадим её во имя нашего Господа, ради чистоты и святости служения Богу.

Что касается других статей, предъявленных мне в обвинение, то и по ним я виновным себя не признаю. Например, статья 190. На советский государственный и общественный строй я никогда не клеветал.

По статье 191 меня обвиняют в том, что я проявлял неповиновение органам власти. Но и в этом я не

виновен. Всё обвинение по этой статье строится только на том, что я продолжал проповедовать, когда сотрудники милиции, нарушив наше мирное богослужение, приказывали прекратить его.

По статье 143 УК МССР мне дали 5 лет. И на йоту я не повинен в нарушении этой статьи, хотя эксперты считают, что своими высказываниями через статьи в журнале «Вестник истины» я нарушал покой граждан, когда говорил о Божьем суде, об идеалах небесной жизни, о прощении грехов, о возрождении, о святой жизни во Христе.

Да, я это делал, я проповедовал учение Иисуса Христа. В этом смысл всей моей жизни. Все эти деяния подпадают под статью 143 УК МССР. Но я счастлив, получив такое обвинение. Скажу словами святого апостола Павла: «...горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9, 16).

Итак, адвокат, назначенный судом, уточнил, что в силу своих убеждений я не мог не нарушать статью 142 УК, но виновным себя в этом не признаю. Конечно, времени было мало. За два часа много не объяснишь.

Войдя в зал, я увидел чудную картину: часть зала была занята верующими! Я увидел своих друзей, сотрудников на ниве Божьей, всю свою семью. Мне не разрешали оборачиваться, но оттого, что я успел увидеть хотя бы некоторых, настроение моё было возвышенное. Мне очень хотелось многим сказать о Господе. Особенно я радовался тому, что наконец-то все мои три сына являются очевидцами судебного преследования отца.

Во время судов в 1966 и 1970 годах вы были не способны всё понять и сделать правильные выводы. Теперь же для меня настал чудный день. О себе я не думал и не беспокоился. Не тревожился ни о большом сроке заточения, ни о трудных этапах и мытарствах по тюремным пересылкам.

Мне очень хотелось, чтобы, глядя на меня и многих служителей, осуждённых в наши дни за верность Господу, вы полюбили истерзанного Христа, полюбили бедную, бросаемую бурей, гонимую Церковь, которая «...грозна, как полки со знамёнами» (Песн. 6, 4).

Великое счастье — быть отверженным миром и несправедливо осуждённым за служение Богу! Мне очень близки слова Христа: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...» (Мф. 5, 12). Удалось ли мне передать вам эту радость быть гонимым учеником Христа? Вам виднее. Вы были на суде два дня и всё слышали.

Господь да пребудет с вами.

Ваш папа

Письмо четырнадцатое

...Изберите себе ныне, кому служить...
Иис. Нав. 24, 15.

Дорогие мои дети! Не случайно эпиграфом этого письма я взял слова: «Изберите себе ныне, кому служить». Очень важно сделать правильный выбор в

своей жизни. Если ты отдал своё сердце Господу и служишь Ему, если всю свою жизнь доверяешь Богу, Он поможет тебе во всех обстоятельствах!

Помогал мне Господь и на этом суде, на котором довелось присутствовать и вам. Вы много слышали о судебных процессах над верующими, но на этом суде для вас всё было ново. Вы были очень внимательны к каждому моему слову и, возможно, после суда рассуждали: правильно ли я поступил, достойно ли подражания моё поведение на суде. Вам, дорогие мои, виднее со стороны. Я же буду рад видеть вас ревностными защитниками Христова учения. Да поможет вам в этом Господь!

У меня одно желание перед Богом — чтобы и вы, однажды посвятив Господу свою жизнь, служили Ему честно, с полной отдачей, сохранив при этом верность Господу в каждом отдельном случае.

Не буду писать о том, что вы видели и слышали, но расскажу о том, чего вы не знаете.

Ко второму дню суда я готовился по-особенному. Мне предстояло сказать последнее слово. Вы знаете, что конспектов я никогда не составлял, даже готовясь к проповеди (зрение не позволяет). Значит, мне нужно было всё запомнить. Ночь прошла почти без сна. Не потому, что меня тревожила будущность, нет, я был спокоен, но уснуть не мог. Многое вспоминал. К утру у меня сильно разболелась голова. (Впрочем, это неудивительно, это моя постоянная болезнь. Дома у меня от переутомления часто бывали такие головные боли, что я не мог говорить и даже трудно было

повернуть голову. Тогда я ложился, закрывал глаза и часа два-три лежал без движения, чтобы боль немного утихла.) По этой причине я попросил перенести суд на следующий день. Но судья отклонил моё ходатайство.

Итак, мне предложили сказать последнее слово, не оказав крайне необходимой медицинской помощи, не предложив никаких медикаментов от головной боли. Но удивляться этому не приходится. Организаторов суда моё состояние устраивало: я не мог не только говорить, но и присутствовать на суде. Мне пришлось напрячь все силы, чтобы хоть немного сказать в защиту Святого Евангелия. Как я это сделал — не мне судить.

На следующий день, хоть я и отдохнул, и голова уже не болела, мне трудно было вспомнить, о чём говорил. Но меня это не смущало, вы всё равно поняли меня правильно!

Главное, что вы должны были понять из моего выступления: я люблю Господа больше, чем свою жизнь, и всё посвящаю Ему на служение.

Если бы я был здоров, то в последнем слове сказал бы следующее:

«Граждане судьи! Вся моя жизнь посвящена служению моему Господу. Как ныне вы судите меня, так некогда судили моего Учителя Господа Иисуса Христа и первых апостолов, которые почти все закончили свою жизнь мученически. Во все века христиане были гонимы: одних сжигали на кострах, других томили в тюрьмах, но они донесли до нас истину Христову. Я счастлив, что наши отцы показали

образец святой верности Богу и были преданы Ему до смерти. Таким путём прошёл и мой отец. Его разлучили с маленькими детьми и за проповедь Святого Евангелия сослали в уральские лагеря, где он принял мученическую смерть.

В этом зале идёт необычный суд: здесь в лице последователей Христа судят Самого Иисуса Христа. В ходе суда против меня не было выдвинуто ни одного обвинения, что я кого-то оскорбил или что-либо украл. Меня обвиняют в том, что я служил Богу, проповедовал Христа, организовывал общины там, где их не было. Это верно, это я делал. Меня судят третий раз, и все обвинительные заключения очень похожи.

Если вдруг случится невероятное и суд вынесет решение освободить меня, то я буду очень рад вновь прийти домой к жене, к детям, в родную церковь. Но свобода мне нужна для того, чтобы ещё с большей ревностью совершать служение моему Богу. Я вновь буду воспитывать молодёжь и детей в учении и наставлении Господнем, хотя вы и обвиняете меня в этом на данном процессе. Я буду делать это всегда не потому, что упрям по характеру или мне это выгодно. Нет. Я — служитель Божий и иначе поступать не могу».

Продолжу письмо, когда представится возможность. Дети, храните верность Богу всегда и во всём.

Ваш папа

Письмо пятнадцатое

Дорогие дети! Как всегда, с трепетом в сердце сажусь писать письмо, которое пойдёт к вам.

Я уже начал подробно рассказывать о своей жизни, но не знаю, смогу ли передать всё, что желаю. Меня волнует не художественная сторона изложения и не красота слога. Беспокоюсь о том, достигнут ли ваших сердец слова, исходящие из глубины отцовского сердца? Утешаюсь тем, что труд мой не окажется тщетным, и как для меня, так и для вас дороже всего в жизни станет Иисус распятый, Иисус воскресший, Иисус вознёсшийся!

Как бы ни били мою ладью волны житейского моря, я и в самый сильный шторм хочу оставаться спокойным. Господь доведёт мой чёлн до тихой пристани. Но хочу прийти туда не один, а вместе с вами, мои дорогие. Тихая пристань, где мы отдохнём, ещё впереди, ещё далеко. Смысл всей своей жизни вижу в том, чтобы сохранить верность Господу (надеюсь, вы тоже).

Вы просили меня написать обстоятельно, как проходил мой судебный процесс. Я рад это сделать. Вы присутствовали на суде, поэтому мне легче описать его. Не буду повторять то, что вы сами видели и слышали; не буду останавливаться и на том, как предвзято следственные органы и прокуратура готовили мне обвинение.

Сегодня поговорим вот о чём. Шесть моих статей, опубликованных в журнале «Вестник истины», были посланы на научную судебную экспертизу, в которой участвовали доктор исторических наук, профессор Воронцов, и кандидат философских наук, доцент Андрианов, из Ленинграда.

Мне очень хотелось получить заключение этой «научной» экспертизы, но следователь самым категорическим образом запретил снять даже копию. А этот документ интересный. Он очень ярко показывает неприглядный облик атеизма. Кое-что из заключения этой экспертизы я всё-таки переписал и сейчас процитирую вам.

«Содержатся ли в статьях обвиняемого М. И. Хорева призывы к отказу от общественной деятельности или от исполнения гражданских обязанностей?»

Вопрос поставлен так, что если эксперты скажут «да», то мне вменят в вину ст. 143 (227 РСФСР) и осудят на пять лет. Прокуратуре, видимо, показалось мало одной 142-й статьи (нарушение законодательства о религиозных культах). Она предусматривает лишение свободы до трёх лет, и я уже два раза отбывал заключение по данной статье. Когда следователь ознакомил меня с поставленными перед «научной» экспертизой вопросами, я понял, что мне дадут пять лет.

Что же ответили эксперты? Они сказали своё «научное» «да» (цитирую):

«Идеал верующего он, Хорев М. И., видит в человеке, который считает себя гражданином неба. В статье «Рождественское пророчество» («Вестник истины» №4, 1977 г.) говорится: „С тех пор, как я познал Христа Богом крепким, Отцом вечности, я могу засвидетельствовать, что имею жизнь вечную и что я — гражданин Нового Иерусалима, гражданин неба".

Вот ещё один из пунктов моего обвинения:

«...М. И. Хорев высказывает идеи, направленные на запугивание верующих страшным судом за недостаточную отречённость от земного мира».

В доказательство обвинения приводят мои слова: «Если ты не примешь Христа, Который пришёл в этот мир с единственной целью: спасти тебя, то я должен тебе засвидетельствовать, что это пророчество всё равно сбудется над тобой, но сбудется в день суда и уже не во спасение, а в осуждение за то, что не уверовал во имя единородного Сына Божьего» («Вестник истины» №4, 1977 г.).

«И далее, — пишут эксперты, — эту же мысль М. И. Хорев навязывает в статье «Зависть» («Вестник истины» №2-3, 1977 г.): „Если мы не позаботимся об очищении себя от всякой скверны плоти и духа, — нет нам части в обетованиях Божьих. Не будем обманываться: «И не войдёт в него (в Новый Иерусалим) ничто нечистое...» (Откр. 21, 27)"».

А вот ещё что поставили мне в вину:

«М. И. Хорев пишет в своей статье «Верность до смерти»: „Лучше принять смерть, чем перестать поклоняться живому Богу"».

Дорогие мои дети! Когда вы видите и слышите, как несправедливо поступают гонители церкви с христианами, изображая их в прессе и в передачах по радио и телевидению отсталыми и неграмотными, то не ожесточите сердец ваших! Когда они стараются представить верующих в самом плохом свете и совершенно лишают нас права сказать правду и публично опровергнуть ложь в противовес неверной информации, не отвечайте злом на зло или ругательством на ругательство, но благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас! Этому учит нас Господь Иисус Христос.

Да поможет вам в этом Сам Бог. Моя забота о вас, чтобы вы не ожесточили сердец ваших, тогда как на вашу юную жизнь постепенно наслаивается несправедливое отношение неверующих людей. Господь да поможет вам иметь доброе сердце, чтобы с любовью вместить всех и всё.

Ваш папа

Письмо шестнадцатое

Дорогие мои дети! Хочу рассказать вам о моих скитаниях по пересылкам.

Можно смело сказать, что для заключённых этапирование — самое трудное время. Зимой в пересыльных тюрьмах может быть холодно, летом — сильно жарко. То и другое тяжело переносить.

Мой этап проходил через Кишинёв — Одессу — Харьков — Ростов-на-Дону. В течение месяца я прошёл по этим тюрьмам. В ростовской колонии пробыл два месяца, и вновь отправили на этап: Ростов — Волгоград — Свердловск — Омск. Надолго ли останусь в Омске — не знаю. Бог знает.

Расскажу о первой половине этапа. Осуждённые радуются, собираясь на этап. Радуюсь и я: слишком утомляют душные камеры следственной тюрьмы, да и очень соскучился по свежему воздуху. Скорей бы в лагерь. Но куда? В Сороки? Там я уже отбывал три года. Обычно заключённых отправляют в лагеря той местности, где они совершили преступление. Это положение для всех, но не для меня. Работники прокуратуры угрожали, что отправят далеко на Север. Зная, что любой мой маршрут не будет случайным, я был готов ехать хоть куда.

Наконец 17 мая 1980 года ночью меня вызвали с вещами. Все в камере знали, что идёт этап на Тирасполь и Одессу, где есть лагеря строгого режима. Если повезут в Одессу, значит, мне предстоит дальний путь.

Вещи у меня были собраны. Помолившись, я попрощался с остающимися в камере (нас было шесть человек). С одним из них у нас особенные отношения. У него была верующая мама. Жили они в Унгенском районе. В те годы дети не имели права верить в Бога. «Сынок, когда подрастёшь, тогда и будешь ходить на собрание, — говорила ему мама. — А сейчас нельзя, власти закроют молитвенный дом из-за детей, что мы

тогда будем делать?» Так мальчик вырос без Бога. Женился на неверующей женщине. Она оказалась жестокой (по его словам), уже второй раз посадила его в тюрьму. Мама умерла.

Вера Георгиевна возвращается из тюрьмы — передачу не приняли, 1980 г.

Как он обрадовался, когда узнал, что я христианин! Он очень полюбил меня, услышав, что я нахожусь в тюрьме только за то, что вместе со всем братством отстаиваю право детей и молодёжи посещать богослужения. Мы очень много беседовали. Он настоятельно просил молиться о нём. Наша разлука была трогательной. Мы обнялись, как братья, нам тяжело было расстаться. Уже открыли дверь камеры, и надзиратель стал торопить, а заключённый никак не мог отпустить меня.

Чудные пути Господни! Иной раз и не думаешь, что среди грязного, развращённого, пьяного общества можно отыскать такие жемчужины. Люди погрязли в

пороках, которые невозможно перечислить, и это явление не случайное. Я беседовал со многими. Бедные люди, они не знают другой жизни, потому что никогда не слышали о Боге. Как они были внимательны, слушая слово о Господе! Хотя далеко не все принимали его в сердце, но моей вере и упованию завидовали многие.

Глубокой ночью нас на воронках привезли к поезду «Ивано-Франковск — Одесса». Машины въехали прямо на перрон. Выходя из воронка, я невольно посмотрел по сторонам. Вас никого не было, вы не знали о моём отъезде. Если бы знали, то, уверен, непременно пришли бы проводить меня в дальнюю дорогу.

В нашем купе было человек пятнадцать. Для купе это много. К тому же все стали курить. Поезд тронулся.

«Господи, благослови начало моего пути!» — молился я в душе.

Я не знал, куда еду. В Тирасполе высадили почти всех, и в моём купе осталось трое заключённых. Значит, еду далеко.

«...Да будет воля Твоя и на земле, как на небе», — от сердца сказал я Богу.

Утром прибыли в Одессу. Днём подали воронки и привезли в одесскую тюрьму. До вечера вновь прибывшие заключённые проходили утомительные тюремные процедуры. Вначале всех держали в одной большой камере. Затем проверили по «делам», рассортировали по режимам, тщательно обыскали и повели в баню. Наконец, в восемь часов вечера,

усталые, голодные, но довольные мы вошли в камеру. Там находились несколько дней в ожидании нового этапа.

Когда меня обыскивали, я попросил посмотреть в сопроводительную карточку, куда меня везут.

— Проходи дальше! — грубо отказал мне надзиратель.

Заключённый, стоявший за мной в очереди на обыск, сказал, указывая на меня:

— Этот человек — святой, ему ни в чём нельзя отказывать.

Надзиратель заинтересовался, по какой статье меня судили. Мы пробеседовали с ним целый час, за что я был очень благодарен Богу. Но об этом в следующем письме.

Господь да благословит вас во всём!

Ваш папа

Письмо семнадцатое

Дорогие мои дети, я рассказал вам о начале своего путешествия по пересыльным тюрьмам. Первая остановка у меня была в Одессе. Вечером 17 мая я вошёл в камеру.

В ней находились в основном одесситы, которых уже осудили. Они ожидали, когда приговор войдёт в силу. Для меня нашлось свободное место на нарах, и, поблагодарив Бога за совершённый путь, я спокойно заснул.

В прошлом письме я упоминал о надзирателе, который, узнав, что я верующий, сразу изменил ко мне отношение. Он сообщил мне, что конечный пункт моего этапа — Ростов-на-Дону, и похвалился тем, что знал нескольких верующих из Одессы, которые раньше находились в этой тюрьме.

— Это настоящие верующие! Они за своего Бога охотно отдали бы жизнь! — запальчиво сказал он.

— Кого вы помните? — поинтересовался я.

По описанию внешности я понял, что он говорит о Николае Павловиче Шевченко. Как только я назвал его фамилию, имя и отчество, надзиратель оживился и долго тряс мне руку.

Да, брата Николая Павловича Шевченко, пресвитера одесской Пересыпьской церкви, нет на земле. Он отошёл в вечность более десяти лет назад, но светлая память о нём осталась и в этом мрачном заведении. О, как в этой тьме нужен свет Христов!

В Одессе я пробыл до 24 мая. Как проводил время? Каждый день находились собеседники. Некоторые из заключённых хорошо знали верующих. Оказывается, они сидели в тюрьме с нашими братьями ещё в 1968 году.

У меня был с собой приговор суда. Заключённые несколько раз читали его, а я давал разъяснения. Свидетельство очень хорошее. Были и противники, но это хорошо: когда среди слушателей есть противники, тогда легче беседовать, появляется масса неожиданных вопросов. Словом, время проходило не напрасно.

Пребыванием в этой тюрьме я доволен. Правда, уж слишком она грязная, очень много вшей. Когда стоишь на полу в тапочках, они ползут по ногам. На пересылках вши — обычное явление, заключённые привыкли к этому. Когда нас выводили в маленький дворик на прогулку (на один час), все снимали бельё и уничтожали вшей. Но это только в тюрьмах; в лагере, где я сейчас, этого нет, здесь легче следить за собой.

Итак, после 24 мая я снова в пути. Еду в Харьков. До воронка меня проводил знакомый надзиратель, пожелал всего хорошего и что-то положил мне в мешок. В поезде я раскрыл пакет. Там лежало сало, чеснок и домашнее печенье. За такое любезное отношение этого человека я был очень рад и благодарен Богу, понимая, что его сердце было покорено святым поведением и приятными беседами брата Н. П. Шевченко.

В 1961 году, когда в наших общинах началась работа по пробуждению, Пересыпьская церковь, где пресвитером был Н. П. Шевченко, первая в Одессе присоединилась к движению. В доме Николая Павловича я всегда находил не только приют, но и вдохновение для работы. Этот служитель целые ночи проводил в молитве за дело Божье, чему я свидетель.

Итак, новый путь, новые знакомства. Со всей уверенностью свидетельствую, что случайностей в нашей жизни нет. Во всём — чудный промысел Божий.

Харьковская тюрьма. Хорошо, что в ней есть баня, в которой прожарили мои вещи, а это очень важно в таких условиях. Когда нас (человек пятьдесят) завели в

предбанник, то выяснилось, что в бане не будет воды два часа. Заключённый, который ехал со мной из Кишинёва (непоседа, по характеру — дерзкий, смелый, постоянно ищущий приключений), объявил:

— Зачем нам праздно проводить время? С нами едет святой человек, священник. Давайте его послушаем!

Все обратили на меня внимание, а один заключённый особенно. Завязалась хорошая беседа. В начале в ней принимало участие человек двадцать пять, а затем меньше и меньше, пока не остался один. Он очень интересовался истиной.

И так на каждом месте. Господь всегда создаёт условия для доброго свидетельства о Божьей любви.

В Харькове я пробыл пять суток. Камера очень большая. Мой кишинёвский попутчик и здесь представил меня как святого человека, «главного священника Божьего в нашей стране», и сказал, что со всеми вопросами, касающимися спасения души, можно обращаться ко мне. Опять читали приговор, опять беседы, диспуты...

29 мая меня отправили этапом дальше, и я был доволен, что это уже последний этап и что я остановлюсь в Ростове. Ростовская пересылка была для меня самой трудной, но об этом в следующем письме.

«Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие моё приятно для меня».

Господь с вами.

Ваш папа

Письмо восемнадцатое

Дорогие мои дети! Продолжаю писать вам письма, которые начал около двух лет назад. В них я хотел рассказать вам о том пути, по которому вёл меня Господь. Мне известно, что некоторые письма не дошли до вас. Вы просили меня восстановить пробел, образовавшийся в результате этого, но сделать это трудно, хотя и буду стараться сделать всё посильное.

Прошло два года, как я уехал из ростовского лагеря. Оглядываясь назад, скажу: Господь вёл меня премудро. Он дал мне немного отдохнуть в этой колонии (два с половиной месяца), а потом был долгий и очень трудный этап. Но Бог даёт утомлённому силу и изнемогшему дарует крепость.

Находясь в заключении, я и радуюсь, и грущу. Радуюсь, что за имя Христово удостоился быть гонимым и униженным. Грущу о том, что в церкви очень много работы, а делателей мало. Работать в Христовом винограднике очень хочется, но на всё — Божья воля. «Не Моя воля, но Твоя да будет...»

Осуждённых верующих помещают вместе с преступниками. «К злодеям причтён...» Нас всегда содержат среди уголовников, то есть среди людей, совершивших убийство, насилие, кражу, а также среди спекулянтов и взяточников. Входишь в камеру, и первый вопрос: «По какой статье судили?» Скажешь: по 142-й, и все недоумённо пожимают плечами. Как

только узнают, что верующий и за служение Богу находишься в тюрьме, опять удивляются: «Почему тебя сюда, а не в политическую тюрьму посадили?»

Приходится объяснять, что я не политик, а христианин, служитель. Мы в политику государства не вмешиваемся. Мне непременно возражают: Советское государство и атеизм неразделимы. Если бы вы просто верили, как мы: хотим — свечку в храме ставим, хотим — грабим храм Божий, то вас не трогали бы. За такую веру у нас не судят. Но если вы своими деяниями мешаете атеизму идти по планете победным маршем — вас раздавят! Вы же мешаете политике нашего государства! Наша цель — построение коммунизма, а коммунизм и религия — несовместимы. Значит, надо создавать условия для её постепенного отмирания, что и всячески делается: закрывают храмы, мечети, молитвенные дома и костёлы. На смену им открывают дворцы и дома культуры, стадионы, спортивные площадки, танцплощадки, устраивают разного рода гулянья, туристические походы, массовые выезды зимой лыжников, а летом — грибников, проводят встречи «белых ночей» и проводы «русской зимы». И всё это поощряется государством. А вы, как видно из вашего приговора, тоже были в лесу, но не отдыхали, а проводили богослужение на лоне природы. Это противозаконно. Ваши действия не будут способствовать отмиранию религии. Вы враждуете с атеизмом, а он взят государством на идеологическое вооружение! Это значит, что вы, верующие, выступаете против атеизма,

против политики партии и правительства, вы мешаете строить атеистическое общество. Значит, вы — политические преступники, а не уголовники!

Вот такие разговоры мне приходилось слышать не раз, находясь в камерах и на пересылках. Много встречается интересных людей и хороших собеседников, но со временем они рассеиваются, каждый занимается своим делом. Остаются лишь отдельные личности, которые интересуются верой больше и глубже, некоторые из них очень близки к истине. Они с жадностью воспринимают весть о Христе как Спасителе души. Им дорога весть о всепрощающей любви Божьей через Кровь Христа. Они удивляются простоте учения о прощении грехов. Над некоторыми из них я совершал молитву, и они говорили: «Как хорошо, что здесь, на дне преступного общества, есть проповедники и можно услышать весть об Иисусе Христе!»

Да, и в мир уголовных преступников Бог послал нас не случайно. Всегда благодарю Бога за Его премудрые пути.

Господь с вами.

Ваш папа

Письмо девятнадцатое

Приветствую вас, мои милые дети!

В каждом своём письме я с большой любовью и старанием хочу рассказывать вам о чудных делах

Божьих, о моём служении Господу, о Его великих милостях, которыми наполнена наша жизнь. Не все деяния Божьи понятны нам сейчас; в конце же пути, обернувшись назад, христианин обязательно воскликнет: «Велик Ты, Боже, во всех путях Твоих, и все дела Твои премудры!»

Но это потом, а сейчас благодарим ли мы за всё Господа? Ведь мы вверили Ему свою жизнь. Может ли Он где-либо ошибиться, дать нам непосильный крест? Нет! Никогда!

Сейчас хочу вернуться к началу своей жизни. Из прошлых моих писем и рассказов вы уже знаете о моём папе, вашем дедушке — он прожил сравнительно короткую жизнь, которая была подвигом веры. Он был служителем церкви и последовал за Господом, оставив всё. Умер он в 1939 году в тюрьме города Тавда Свердловской области. Он был беден и не оставил нам никакого материального наследства. Несмотря на это, мы сегодня богаче самых богатых, потому что верим живому, истинному Богу, в Которого верил наш папа. Не ошибусь и это не будет преувеличением, если скажу о своём отце, что он — муж веры. В подтверждение этого приведу пример.

Когда в семье рождается ребёнок, то для родителей — это праздник! Не был исключением и день моего рождения. (Пишу об этом по воспоминаниям моей мамы.)

Вы знаете, что я от рождения плохо вижу. Врачи сразу сказали маме: «У вашего сына будет плохое зрение, а какое именно — узнаете, когда подрастёт».

Нужно ли говорить о том, сколько переживаний было у мамы? Две дочери росли здоровыми, а вот родился сын — и такой «несчастный»! В понятии мамы я был совсем слепым.

Своими переживаниями она поделилась с папой. Мама вспоминала об этом очень часто.

«Как только мы пришли домой, — говорила она, — папа взял тебя на руки и сказал:

— Сейчас мы воздадим Богу славу за подарок, который Господь дал нашей семье.

— У нас не только радость, но и глубокая скорбь, — возразила мама, — сын нездоров... Ещё неизвестно, может быть, он совсем слепой...

— Милая, ты согласна с тем, что Бог не ошибается в Своих деяниях? — спросил папа.

— Конечно, Бог никогда не ошибается, но...

Папа прервал её возражения:

— Да, наш сын не здоров, как остальные дети, но его болезнь — исключение. Ты согласна?

— Да. Но...

А папа продолжал, не давая маме возможности возражать:

— Если без воли Божьей и волос с нашей головы не упадёт, то и сегодняшнее событие в ведении у Бога. Я верю, я знаю, что у Господа Свои планы в отношении нашего сына. Вот за эти особые планы Божьи мы и воздадим славу нашему Богу.

— Не помню, — продолжала свой рассказ мама, — какое место из Священного Писания прочитал папа, затем мы преклонили колени, и, держа тебя на руках,

благодарили Бога за чудные пути Его в нашей жизни. Я не разделяла папиной радости и отнеслась к его рассуждениям с тайной критикой, то есть вслух возражать не стала, но подумала, что его рассуждения легкомысленны.

Но вот прошло почти тридцать лет, папы давно нет с нами, а я только теперь присоединяюсь к его справедливому рассуждению. Меня судит совесть за то, что столько времени я не могла понять, почему у тебя плохое зрение и слабое здоровье. Самое главное, мне очень бы хотелось сейчас сказать твоему папе: да, ты был прав, так просто доверяя Богу! Прости меня, что я тебя не понимала и, больше того, осуждала...»

Впервые мама рассказала мне об этом на встрече Нового 1969 года. Конечно, я порадовался с мамой и прославил Бога в молитве, сказав приблизительно так: «Возлюбленный Господь! Тридцать семь лет назад мой папа воздал Тебе благодарность за особый удел, приготовленный Тобой для меня. Мой папа верой видел будущее! Славлю Тебя за чудные Твои пути!»

Дорогие мои дети, обо всём этом я пишу вам для того, чтобы утешить вас (конечно, и себя) в нашей долгой разлуке. Что я могу сказать вам о моём недуге? Моего здоровья всегда хватало только для служения в церкви. Никто из окружающих даже не подозревает, как мало мог я сделать что-либо для дома. С моим зрением это было очень тяжело. Прошу вас, милые, своей посильной помощью замените, пожалуйста, меня в доме. Через месяц мне исполнится 50 лет. Может быть, поэтому я и избрал эту тему для письма...

Господь да пребудет с вами, мои милые!

Ваш папа

Они, конечно же, выполнят просьбу отца...

Письмо двадцатое

Мои милые дети! Вы просите, чтобы я рассказал вам о самом тяжёлом моменте в моей жизни за время пребывания в тюрьмах. Ваш вопрос мне очень понравился и заставил как бы оглянуться назад, многое вспомнить, взвесить, оценить...

Жизнь в тюрьме очень многоразлична. Каждый новый день — это новые испытания, новые трудности. Тяжела сама среда. Сами понимаете: днём и ночью, без

всякого перерыва, тебя окружает преступный мир. Встречаются здесь случайные люди, которые не успели ещё внутренне испортиться, им трудно в таком окружении, они мучаются в душе своей, но таких мало. Больше встречается тех, которые начали свой преступный путь в юности и так, с небольшими перерывами, проводят жизнь в заключении.

Но внешняя среда меня не смущает. Наоборот, со многими преступниками я знакомился, беседовал, делил с ними пайку хлеба. Некоторые охотно слушали слово истины.

Среди различных служб в администрации лагеря есть очень большая оперативная служба. Многие заключённые работают на неё, будучи тайными осведомителями. Таких людей очень много как в тюрьмах, так и в лагерях. Я не имею никакого желания говорить о них, и если написал об этом, то только для того, чтобы вы имели более полное представление о моей жизни.

Меня не тяготят постоянные слежки. Может быть, потому, что я привык к ним с юности. Вы помните, какая страшная слежка была устроена за мной года два до ареста! Даже вы, дети, и то хорошо видели!

Хочу вам рассказать вот что: однажды заместитель начальника по режимно-оперативной части капитан Власов сказал мне:

— Хорев, мне звонили из Америки и интересовались вами. Передайте, чтобы этого больше не было. Хорошо, что вы сразу не попались мне на глаза, иначе я посадил бы вас в карцер!

Это было месяц назад, и он рассказывал мне об этом, улыбаясь. Я не стал спрашивать его, за какую же вину он хотел посадить меня в карцер, потому что знал: при желании он быстро найдёт причину для наказания. Я уже писал вам, как недавно Власов лишил меня личного свидания за то, что я носил зимой валенки.

Меня не тяготит и это бесправное положение. Не тяготит и скудная пища. Кстати, что сказать о пище? Часто она бывает просто несъедобной, но мы и такую едим. Меня не тяготит также недостаток в пище витаминов и то, что здесь совершенно нет ни фруктов, ни овощей. Когда же я получаю от вас что-либо из продуктов, тогда испытываю великую радость поделиться этим с обездоленными, всеми забытыми, никому не нужными людьми. Словом, стараюсь быть довольным всем и всегда!

Большое утешение мне приносят ваши письма, которые я получаю часто. Иногда получаю, хотя далеко не все, письма от моих братьев и сестёр по вере в Иисуса Христа. На днях на моё имя пришла бандероль из Австрии. Меня вызвали по радио и сказали, что для её получения необходимо личное разрешение Власова. (Опять Власова!) Для меня очень приятно и несравненно дорого внимание и забота друзей об узниках Христовых на Руси.

Но есть гнёт, который давит и не даёт мне покоя ни днём, ни ночью. Как только я перешагиваю порог тюрьмы и располагаюсь на тюремных нарах, я

оказываюсь изолированным от служения в церкви. Это самое тяжёлое! К этому я никогда не привыкну!

Прошло двадцать лет, как я полностью посвятил себя на служение Богу в Его святой Церкви. В феврале 1962 года я уволился с работы. Имел хороший заработок, четырнадцать лет непрерывного стажа. У меня была любящая жена (полгода прошло, как мы поженились). Всё это я оставил и пошёл на служение. Самым дорогим местом Священного Писания для меня были слова: «Мы оставили всё и последовали за Тобою» (Лк. 18, 28).

В начале своего служения я испытывал немало трудностей, так как у меня не было опыта, хотя я много трудился среди молодёжи в Ленинграде. Однако общебратское служение несравненно труднее и сложнее. И Господь пошёл мне навстречу. В первый год я работал с братом Александром Афанасьевичем Шалашовым — почтенным старцем, верным служителем. У него был очень богатый духовный опыт. В конце 1963 года он отошёл в вечность. Он нередко говорил о том, что немногие желают последовать за Христом, оставив всё. Одни ждут, когда подрастут дети, чтобы поднять их на ноги, дать им образование, а потом только совершать служение. Другие обещают, что будут служить Господу, когда пойдут на пенсию. Третьи не могут оставить хозяйство, у четвёртых нет согласия в семье.

Меня лишили ленинградской прописки, а это значит, и права когда-либо жить в родном для меня городе. Но ради Господа и служения Ему, для пользы

церкви, я от всего отказался. Четыре года я нёс служение, находясь на нелегальном положении. Некоторые выходят на этот путь, когда им грозит арест, и они ничего не теряют: днём раньше, днём позже — всё равно арестуют, — рассуждают они и уходят из дому. А у меня всё было спокойно, можно было жить в семье. Но, как только я услышал зов Христа «следуй за Мной», я пошёл этим путём.

Служение было очень ответственное, очень благословенное, хотя и трудное.

И вот 19 мая 1966 года я первый раз оказался в тюрьме. А на воле осталось много работы. Проблема в церкви всё та же, что и при жизни Иисуса Христа: «Жатвы много, а делателей мало: итак, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою...»

Никак не привыкнешь к неволе. Хочется освободиться, но не для того, чтобы пожить свободно, а для того, чтобы все силы, какие у меня есть, отдать Церкви.

Кажется, я ответил на ваш вопрос: какой момент в неволе для меня был самый тяжёлый.

Ваш папа

Письмо двадцать первое

Мои милые детки! Сегодня я решил побеседовать с вами об очень дорогом для меня событии, которое легло в основу всего уклада моей жизни. Как я уже

писал в предыдущих письмах, 14 июля 1962 года меня рукоположили, доверив ответственное служение благовестника. Сам ход рукоположения я также описывал. Надеюсь, вы получили те письма.

Поэтому 14 июля 1982 года — мой славный праздник: двадцатилетие служения в Церкви Христовой. Я говорю, что у меня праздник, но жизнь была нелёгкая, даже трудная, очень трудная. И всё же, вспоминая пройденный путь, я говорю: как велик мой Бог! Я служу Иисусу Христу, и Он даёт мне силы переносить всё. И когда я приду к престолу, где Он восседает, то скажу: «Господь мой! всё, что Ты дал мне, я отдал на служение Тебе...»

Прежде всего напомню, что 1961-1962 годы были особыми в жизни нашего братства. Началось пробуждение Церкви Христовой. Мы распространяли послания, письма, приветствия, в которых братья Инициативной группы старались ободрить народ Божий, указывали на неверность руководителей ВСЕХБ, умоляли твёрдо стоять на путях Божьих, воспитывать молодёжь и детей в учении Господнем.

Эти послания читали многие верующие и, естественно, воспринимали их по-разному.

Одни говорили: «Написано правильно, но всё это неосуществимо. КГБ не даст нам возможности подняться на ноги. Хорошее пожелание, и только!»

Другие проявляли недоверие: «Кто писал эти письма? Молодёжь! Написано грамотно, духовно, с задором, но где у них опыт? Вот если бы авторитетные,

ответственные братья встали впереди этого движения по пробуждению, тогда бы...»

Третьи под влиянием властей старались распространить в народе Божьем слух, что братья, подписавшие послания, — работники КГБ, подставные лица, и через них власти хотят выявить в церквах самых ревностных и всех ликвидировать.

Поэтому в то время очень многие хотели встретиться с братьями, которые возглавили эту святую работу, чтобы с ними решить все вопросы. А вопросов, сомнений и недопониманий было очень много.

Помню такой случай. В Прибалтике организовали общение проповедников. На нём должен был присутствовать и Геннадий Константинович Крючков. Он приехал. Мы сидели за столом рядом. Когда я представил его собравшимся, все были очень удивлены. Все ожидали увидеть пожилого, солидного старца, а здесь — молодой человек! Но когда общение, начатое вечером, окончилось утром, — все присутствующие радовались, что Бог посетил Свой народ и избрал на этот труд молодых братьев.

После совещания, 1976 г. Сидят (слева направо): Д. В. Миняков, Г. К. Крючков, Н. П. Храпов. Стоят (слева направо): М. И. Хорев, М. Т. Шаптала, К. К. Крекер.

Многие верующие удивлялись мужеству руководящих братьев Инициативной группы: оставив семью, работу на производстве, они несли служение в конспирации при постоянных слежках!.. За тридцать лет предыдущих гонений верующие отвыкли от такой жизни. Некоторые говорили (кстати, и до сих пор говорят!): «Пока есть возможность работать на производстве — лучше работать, а служить Богу можно и в свободное от работы время...» Почему они так рассуждают? Потому что у них нет полной отдачи Богу. Если не иметь освобождённых от работы на производстве братьев, которых можно послать в любой уголок нашей большой страны, то организованное, не зависимое от мира служение практически невозможно осуществить.

Двадцать лет я трудился в гонимых общинах нашего братства, и эти годы не числятся в моей трудовой книжке. В глазах мира сего я все эти годы вёл «антиобщественный образ жизни». Но это лучшие годы в моей жизни, и я посвятил их на служение Божьему народу. Это мой подарок Богу и церкви.

Когда я предложил одному брату взять расчёт на производстве и посвятить себя делу служения, он сказал:

— А семья? У меня пять детей, жена, мать-старушка; их нужно содержать...

— Если ты согласишься трудиться, то семью церковь возьмёт на обеспечение, — успокаивал я его.

— О нет! Церковный хлеб очень горький. Я не допущу, чтобы моя семья жила так. Не хочу, чтобы мою жену потом упрекали, не хочу, чтобы у моих детей были трудности. В школе их будут спрашивать: где работает твой папа, сколько он получает? Что дети будут отвечать? Вот мои мозоли на руках, и я...

Не буду описывать дальше наш разговор. Уходил я от него с очень тяжёлым сердцем. У всех служителей, трудящихся в братстве, есть семьи, и они любят их, Бог свидетель! Они могли бы так же, как и тот брат, работать и содержать семью, жить, не разлучаясь. Но они возлюбили Господа более всего и согласились переносить лишения ради Господа и Его дела.

Моим детям тоже трудно в школе. Сколько раз им приходилось отпрашиваться, чтобы поехать ко мне на свидание! И сейчас я снова в тюрьме. А у того брата — всё гладко. После беседы с ним я сказал сам себе: «Как

поступал, так и буду поступать! Пусть моим детям будет иногда трудно, пусть раздаются упрёки в мой адрес, но я люблю Господа больше всего на свете! Поэтому я оставил всё и посвятил себя на служение Ему!»

Дорогие мои дети, хочу задать вам несколько вопросов.

Довольны ли вы тем, что воспитываетесь в семье служителя? Вы видите семьи, в которых отец каждый день дома, — обстановка у них иная, и положение в обществе иное, и в газетах о них не пишут клеветнических статей, у них спокойная жизнь. Вы не завидуете?

Знаю, что вы, мои милые, очень любите меня и, наверное, вам тяжело без меня... Не тяготит ли вас разлука со мной?

Хочется ли вам, чтобы и ваша жизнь прошла так же, как моя?

Двадцать лет — мой юбилей, мой праздник! Но позвольте спросить вас, милые: могу ли я от вашего имени сказать, что это наш семейный праздник?

Буду заканчивать. В следующий раз хотел бы рассказать вам о том, с какими трудностями мне пришлось встретиться за эти двадцать лет.

Господь да пребудет с вами.

Ваш папа

Письмо двадцать второе

Дорогие мои дети! Сегодня продолжим разговор о жертвенном служении Господу. В основу размышлений возьмём слова: «Войди ты и всё семейство твоё в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем» (Быт. 7, 1).

Бог решил истребить всех живущих на земле, так как земля растлилась, наполнилась злодеяниями, и всякая плоть извратила свой путь (Быт. 6, 12-13). Один Ной оказался праведным в очах Божьих. «Тебя увидел Я праведным предо Мною», — сказал ему Господь. Других праведников Бог не нашёл. И вот ради праведности Ноя Бог оказал милость всей его семье. Как это прекрасно! Мне бы очень хотелось быть на месте Ноя, чтобы и вся моя семья спаслась от грядущего бедствия.

Во дни Ноя жизнь шла обычным порядком: люди ели, пили, женились, выходили замуж, строили, пахали. Словом, каждый занимался привычными житейскими делами. А у праведного Ноя были совершенно другие заботы. На протяжении многих лет он по Божьему повелению строил убежище от грядущего бедствия.

У Ноя была семья, росли дети (три сына). Ему так же, как и другим, надо было их как-то устроить: приобрести участки земли, насадить виноградники, построить дома, где бы каждый из них мог спокойно

жить, — в общем, приготовить им наследство. Если бы только об этом заботился Ной, то окружающие восхищались бы: «Какие счастливые дети при таком отце!» Да, так делали все, но не Ной. Вместо трёхэтажных особняков для своих сыновей он строил трёхэтажный ковчег, в котором будут спасены все, кто туда войдёт.

Будучи взрослыми, сыновья могли бы сказать Ною: «Знаешь, папаша, ты уж устраивайся сам, как хочешь. Построил на горе какой-то ковчег и намерен на нём плавать... Странно! Мы не видим никаких оснований для тревоги. Ещё не было такого, чтобы в наводнение вода поднялась до гор! Нет уж, папаша дорогой, при всём уважении к тебе, мы лучше останемся здесь!»

Могли дети или родственники так сказать Ною? Могли. Но, благодарение Богу, в ковчег спасения вошли все его сыновья, его жена и жёны сыновей! Пришёл день, когда Божий гнев излился на всех живущих на земле, и только Ной со своей дорогой семьёй был спасён. Велика верность Бога нашего! За праведность и послушание одного человека милость получила вся семья! Благоразумный Ной сохранил для своих детей самое ценное — жизнь. Прошёл потоп, земля вновь зацвела, и сыновья Ноя стали наслаждаться её плодами.

Дорогие мои дети, я хочу немного упростить это святое повествование и сравнить жизнь семьи Ноя с жизнью нашей семьи. Скажу вам, милые, для меня нет ничего более прекрасного и драгоценного, как служить Господу! Это желание было у меня ещё в

юности, но и до сего дня цель всей моей жизни та же — созидать Церковь Христову!

Служение Богу было для меня отрадой, и когда пришло время создавать семью, меня сильно волновало одно: не свяжет ли меня обыденность, не отвлечёт ли от служения в Церкви Христовой? Я знал, что тот, кто хочет подвизаться в деле служения Богу, не должен связывать себя делами житейскими. Как же быть? Я видел много семей, в которых муж и жена заняты только друг другом и детьми, и такие семьи было принято считать благополучными. А я хотел вести совсем другую жизнь. Об этом молился Богу, и Он меня услышал. Семейные узы не только не связали меня (хотя я очень люблю свою жену и детей, Бог свидетель!), но и помогли мне в моём служении.

...Расскажу вам ещё об одном дне из своей жизни. Это было в первых числах августа 1964 года. После двух месяцев разлуки я вновь встретился с вами.

«Надолго?» — это обычный вопрос, каким меня встречали дома. В то утро я ничего определённого не ответил, но, увидев очень трудное положение в семье, на другой день сказал, что уехать просто не могу, не имею права. Но и оставить служение я тоже не мог. Что же делать? И мы согласились не говорить о нашей нужде никому, но пребыть в посте и молитве, чтобы Сам Бог разрешил этот неразрешимый для нашей семьи вопрос.

В те дни я никуда не выходил, усиленно молился Богу, зная, что у Него нет тупиков и безвыходных положений, что в самый ответственный час Он

непременно придёт на помощь. Так было и тогда. На третий день молитвы к нам приехала в гости Прасковья Александровна из Ленинграда (бабушка Паша, как вы её потом называли).

Я знал её с детства. Она приходила к нам (в Ленинграде) и отпускала наших родителей на богослужение, оставаясь с четырьмя маленькими детьми, в числе которых был и я.

Мы были очень рады встрече, и я спросил:

— Дорогая тётя Паша, надолго ли вы к нам приехали? Решили погостить, отдохнуть или дела у вас какие есть в наших краях?

— Нет, — ответила она, — я услышала, что у тебя, Мишенька, есть уже семья, маленькие дети, и вот решила взять отпуск, навестить вас и, если нужно, помочь. В моём распоряжении месяц.

С Прасковьей Александровной, 1965 г.

Да, это был ответ от Бога! Видевший тайное воздал нам явно. Мы поблагодарили Господа за скорый ответ, и я в тот же день уехал совершать порученное мне служение.

Дорогие дети, бабушка Паша влилась в нашу семью и была для нас как родная. Через месяц она поехала в Ленинград, взяла расчёт (последние пятнадцать лет она работала домработницей в одной богатой семье) и сразу приехала к нам.

Многие, видя усердие бабушки Паши, считали, что мы хорошо платим ей. Но платить нам было нечем, да и ни за какие деньги нельзя было найти такого человека, как она! Бабушка Паша любила повторять в молитве: «Господи, благодарю Тебя за то, что Ты указал мне моё место в служении Тебе!»

Да, эта милая старушка успокоила моё сердце, и я не тревожился так сильно за вас. Она прожила у нас до мая 1968 года. Затем тяжело заболела и уехала домой. Я в это время был в заключении. Освободившись, я успел увидеть её на смертном одре. Мы вместе совершили благодарственную молитву, и через несколько дней Прасковья Александровна отошла в вечность. Да, в лице этой доброй старицы Бог воздал нам во сто крат ещё здесь, на земле.

Я напомнил вам о благословенном служении и жертвенности бабушки Паши, чтобы вы возблагодарили Господа за Его великие дела и милость к нашей семье.

Не удивляйтесь, дорогие дети, что наша семья не такая, как все. Вы уже в совершенных летах и

понимаете, что если все мы решили служить Господу, то нужны жертвы, надо оставить всё. Я оставил всё ради Господа, но у меня сохраняется забота о вас, мои милые. Какое у вас намерение в жизни? В этот сложный период для Церкви Божьей на земле не хотите ли и вы полностью посвятить себя строительству «новозаветного ковчега»? Эта работа самая нужная, самая ответственная!

У меня к вам два вопроса. Приняли ли вы святое водное крещение? Если ещё нет, то приняли ли твёрдое решение войти в церковь через святое водное крещение? А приняв крещение, готовы ли вы оставить всё и следовать за Иисусом Христом?

Прошу вас ответить мне на эти вопросы, а ещё лучше — ответьте на них сами себе!

Иногда искренние и любящие Господа души ждут лета, чтобы объявить о своём желании вступить в церковь. Я считаю, что открыть своё желание перед народом Божьим вы должны тогда, когда в вашем сердце созреет это решение. Юноша или девица, которые заявили о своём желании стать членом церкви, таким образом уже связали себя с живой Церковью Христовой. Служители и вся церковь будут наблюдать за этой душой, наставлять её, заботиться о её духовном росте. Главное же, конечно, то, что для самой души этот вопрос уже решён и сделан верный выбор! Я знаю случаи, когда совершали крещение зимой, но такое бывает редко. Мне дважды пришлось крестить в ледяной воде.

Итак, труд наш да не будет тщетным перед Богом! Он на нашей стороне! Слава Ему!

До славного вознесения Церкви Христовой!

Моё самое большое желание — вместе с вами помолиться Господу.

Ваш папа

Письмо двадцать третье

Мои милые и дорогие, сердечно-сердечно приветствую вас в это славное воскресное утро!

Я особенно люблю этот день и всегда стараюсь мысленно встретиться с вами. Зная, что в этот день народ Божий имеет живое общение, все ободряют друг друга, поддерживают и вместе радуются (общение святых всегда радует), я стараюсь присоединиться ко всем вам. Да, только духом, но и это весьма дорого для меня.

Ещё в ранней юности я старался поступать осторожно, свято, ни в чём не нарушая Слова Божьего. Когда я намеревался сделать какое-либо дело и колебался, не имея полной уверенности, можно так делать или нельзя, тогда я спрашивал себя: а хотелось бы мне, чтобы так поступили мои дети? И мне всё становилось ясно.

Я знал: если буду ходить в страхе Божьем, дети мои тоже будут бояться Бога. Это истинно так! Если я буду нечестивым, хитрым, боязливым, одним словом — плохим, то дети мои будут несравненно

хуже. Бывают исключения? Да. Но я не об этом хочу сейчас сказать.

Вспоминаю свою юность — как готовился к сегодняшним дням вашего благополучия. Вашему воспитанию я посвятил не двадцать лет (то есть всю вашу жизнь), а все сорок — всю мою сознательную жизнь! Теперь рассудите сами, мои дорогие дети, разве я не вправе иметь уверенность в вас? «Сеющие со слезами будут пожинать с радостью».

Некоторые считают, что для хорошего поколения достаточно иметь хорошую наследственность. Я понимаю иначе. Бог верен Своему слову и что обещал — исполнит! Так что, милые, я с большим нетерпением жду от вас всякой доброй весточки, в которой ищу признаки перемен вашего характера к лучшему, и когда нахожу — радуюсь великой радостью.

Вы как-то спрашивали меня: какое самое радостное событие пережил я во время заключения? Позвольте без колебания повторить слова апостола Иоанна: «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине»! Находясь в самых тесных обстоятельствах, христианин радуется. Чему? Не тому, что скоро пройдут все его скорби и будет легче, но тому, что дети Божьи ходят в истине. Эти слова мне особенно дороги в стенах тюрьмы.

Я лишён всего, ничего не знаю даже о здоровье семьи — так проходят месяцы.

Когда меня вели на суд, строго предупредили: «Руки назад! По сторонам не смотреть! Не

оглядываться!» Со скамьи подсудимых я украдкой смотрел на друзей. Радовался, что многие пришли на суд. Слава Богу! Видел всю семью! Прекрасно!

По окончании первого дня судебного процесса я не спал почти всю ночь. Старался всё вспомнить и запечатлеть в своём сознании. Несколько раз в течение ночи склонялся на колени и молился. Соседи по камере неправильно поняли меня и решили, что я сильно переживаю о своей судьбе. Но я не думал о себе, это меня не беспокоило совершенно. Ещё до начала суда я знал, что мне дадут пять лет строгого режима.

Во-первых, я беспокоился о том, справлюсь ли со служением, которое возложил на меня Господь: защищать истину Божью на скамье подсудимых.

Во-вторых, меня тревожило ваше духовное состояние. Я видел вас обутыми и одетыми и благодарил Господа: значит, друзья заботятся. Вы хорошо выглядели, значит, сыты и здоровы. И это было приятно. Больше всего я озабочен был тем, ходят ли мои дети в истине, любят ли они её больше своей жизни?

«Я есмь путь и истина, и жизнь», — сказал Иисус Христос. Как часто родители проявляют чрезмерную заботу лишь о том, чтобы их дети внешне выглядели не хуже других, и таким образом горько ошибаются. Ведь «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир, и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17). Поняли ли это мои дети? Отдали ли они свои юные сердца Богу безраздельно и навсегда? Желают ли они идти путём Христа — тернистым, но

прекрасным, единственным, ведущим в Царство Христа и Бога? Не постесняются ли мои дети, если то будет угодно Господу, вместе со мной сесть на скамью подсудимых за верность Богу, а в вечности восседать на престоле Божьем? Очень много вопросов беспокоило меня в ту ночь.

В соответствии с этими размышлениями я подготавливал последнее слово. Мне очень хотелось, чтобы и вы, мои милые сыновья, поняли суть жизни со Христом.

Прошли месяцы, и вот я узнаю, что все вы, дорогие мои, решили вступить в союз с Богом через святое водное крещение! О, какое это счастье! Заключить завет с Богом в юности и всю свою жизнь хранить Ему верность — великая честь для каждого юноши! Да поможет вам Господь осуществить ваше благословенное желание и посвятить всю свою жизнь Богу!

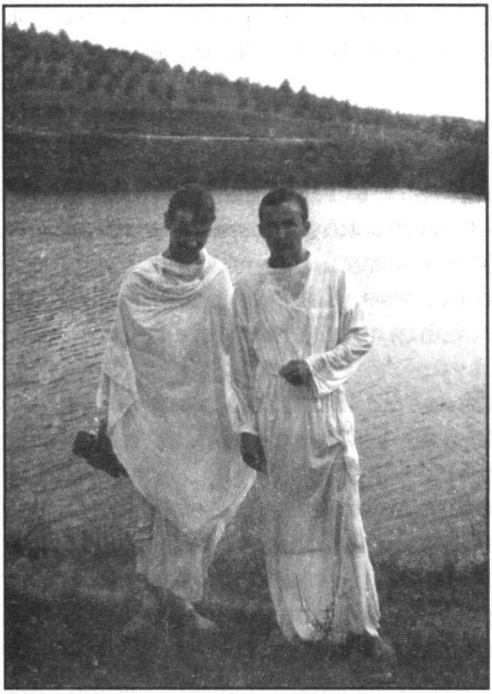
Хочу дать вам некоторые наставления, но об этом — в следующих письмах. Спешу сказать вам всё, что есть на сердце, чтобы предостеречь вас от ошибок, а потом... Я очень устал, и мне хочется к Иисусу... Да поможет вам Господь во всём!

Ваш папа

Письмо двадцать четвёртое

Дорогие мои дети! Сегодня у меня есть возможность продолжить рассказ о своей жизни.

Делаю это для того, чтобы вы прославили Бога, Который благословлял меня, хранил на всех путях и, допуская трудные испытания, всегда посылал Свою силу и помощь. У меня никогда не было испытаний сверх сил.



Павел и Вениамин заключили завет с Богом, 1982 г.

Итак, 30 мая меня привезли в Ростов-на-Дону. Я часто бывал в этом городе. А вот в ростовской тюрьме — впервые. Из всех тюрем этого этапа ростовская для меня была самой тяжёлой. На пересылках никогда не спешат разгружать машины с заключёнными а быть в них длительное время — очень тяжело. Погода стояла жаркая. Нас долго держали на солнцепёке.

Чтобы вы могли лучше представить себе, каково ехать в железном воронке, расскажу некоторые подробности. Машину подогнали вплотную к вагону и стали загружать. Первые двенадцать заключённых сели на скамейки, расположенные вдоль стен. Затем вошли ещё семь человек. Нас троих, последних, солдаты вталкивали силой. Заключённые кричат, что места нет, но никто не обращает на это внимания. На

полу чьи-то вещи. Встать буквально некуда. Я кое-как втиснулся и встал на одну ногу, упёршись рукой в стенку, чтобы не упасть на сидящих. Дверь закрыли. Нашу машину загрузили первой, и мы ждали, когда заполнят ещё две. Нестерпимо жарко. Вентиляции никакой. В добавок ко всему — с разных сторон закурили. Дышать нечем. Я изредка пытался встать на другую ногу.

Наконец машина тронулась. При такой давке качка особенно тяжела. Иногда руки не выдерживают нагрузки и нет сил, чтобы сдержать массу людей на поворотах. Я утешал себя тем, что скоро все трудности будут позади.

Приехали к тюрьме быстро, но долго ждали, когда откроют ворота. Разгружали вначале другие две машины, а мы снова долго стояли на солнце. Но подошёл и наш черёд. Заключённые мокрые, словно попали под дождь. Выходили из машины, шатаясь, и становились в ряд. На мне тоже не было сухой нитки, даже карманы мокрые. Пот с лица я не вытирал — бесполезно.

Наконец путь был свершён, и мы стояли хоть и под палящим солнцем, но на свежем воздухе.

Мне очень хотелось, чтобы процедура приёма длилась как можно дольше. Но офицер, получив наши «дела», сразу стал выкрикивать фамилии. Дошла очередь и до меня. Я назвал год и место рождения, номера статей, по которым меня осудили, и срок. Эта процедура мне нравится, так как я единственный иду по 142-й статье. Почти никто не знает, что это за статья.

После этого обычно многие подходят и спрашивают, кто я такой, за что судили.

Итак, я снова в камере. Низкий сводчатый потолок. Воздуха мало. Народу битком: пришло сразу несколько этапов. Я не считал, сколько человек в камере, но если в нашем вагоне ехало более семидесяти, то сюда втиснули несколько вагонов. Нашёл в середине камеры свободное место, поставил свой вещмешок и сел на него. Во-первых, мне хотелось посидеть, так как я сильно устал стоять; а во-вторых, вверху мало кислорода, потому что почти все закурили, и чем ближе к полу, тем легче дышать.

Махорочный дым заволок всю камеру. Но это ещё не всё. Сразу, как только вошли в камеру, заключённые принялись варить чифир, то есть очень крепкий чай. Чифир на время одурманивает человека и повышает настроение.

Что значит варить чифир в камере? Чтобы вскипятить пол-литровую кружку воды, жгут полотенца, портянки, майки и даже одеяла. Эти тряпки, пропитанные, как всегда, потом, тлеют, выделяя особо едкий дым. Таким смрадом порой приходится дышать несколько часов в день.

Наконец дверь открылась и нас начали сортировать. Через час-полтора назвали мою фамилию, и я вышел. После уточнения данных меня опять завели в эту же камеру.

Часа через четыре народу заметно убавилось. В камере остались только приговорённые к строгому режиму.

Ко всему можно привыкнуть. Я же в трудные часы утешался тем, что нахожусь в этих условиях ради Господа Иисуса Христа. Не за преступления, не за то, что кого-то обидел или что-то похитил, а за проповедь Святого Евангелия! Бог дал нам право ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него. Слава Богу, что Он удостаивает нас этой великой чести!

К вечеру нас сводили в баню и окончательно распределили по камерам. Имея представление о тюрьмах, я думал, что и здесь стоит только добраться до камеры, и можно будет отдохнуть. Но это оказалось не так. Небольшая камера с двухъярусными нарами, куда меня буквально втиснули, была заполнена до отказа. Сразу у дверей, направо, — туалет и умывальник. Сначала я даже смутился: некуда ступить ногой! Стояла сильная духота. Все были мокрые от пота.

Второй ярус нар невысокий, мне по грудь, невидимому, из-за низкого потолка. Но за счёт этого нижние нары почти на полу. Вокруг — полуголый народ. С нового этапа нас вошло сюда десять человек. Так мы и остались стоять посреди камеры, не зная, куда поставить свои вещмешки.

Как обычно, сразу началось знакомство. Кто, откуда, за что, по какой статье? Я опять в центре внимания. Сразу нашлись те, которые раньше сидели вместе с нашими братьями. Чаще всего называют фамилию Петерса, который сидел в этой тюрьме.

Всю ночь я не спал и весь день провёл в напряжении, поэтому, как только мне нашлось место

на нижних нарах, решил отдохнуть. А если учесть, что в день приезда заключённых в тюрьме не кормят, то можете представить, как я устал... Но Бог даёт изнемогшему силу и утомлённому дарует крепость.

В этой камере у меня были очень хорошие собеседники, но это — на следующий день. А в тот вечер я лёг и сразу же крепко заснул. Проснулся глубокой ночью. Чувствую, немного окреп. Сразу встал, ведь кто-то, уступив мне место, не спал, а я шесть часов проспал! Слава Богу за такое расположение. Хотя народ в тюрьмах жестокий, Бог даёт нам Своё утешение на пути. Возможно, это потому, что за узников молятся многие дети Божьи. Благодарю Господа за Церковь Христову, которая помнит своих узников.

Господь с вами, мои милые. Постараюсь продолжить в ближайшее время.

Ваш папа

Письмо двадцать пятое

Дорогие дети! В прошлом письме я рассказывал, как попал в ростовскую тюрьму. Как хорошо, когда по этим местам впереди тебя прошли верные братья — Божьи служители! Своим добрым поведением и проповедью о Христе они приготовили путь последующим узникам-христианам.

На пересылке в ростовской тюрьме я был всего девять дней. Коротко опишу пережитое в это время.

В камере круглосуточно горит яркий свет. Правда, ночью он мне не мешал, потому что я спал внизу, защищённый верхними нарами. Внизу спать соглашаются немногие из-за клопов. Все считают, что на нижних нарах их больше, чем на верхних. По-видимому, это так. При ярком свете клопы не такие смелые. А внизу — тень, и они целыми полчищами нападают на свою жертву. Многие вскакивают посреди ночи от укусов, спать невозможно.

Меня клопы так не допекали. Это не значит, что они обходили меня стороной. Конечно, нет. Но я не чувствовал их укусов. Как только я ложился, сразу засыпал. От большой усталости спал настолько крепко, что множество клопов не способны были меня разбудить. Проснувшись, я сразу уступал место другому. Народу очень много. Люди ждали очереди поспать. И только когда я вставал, тогда видел, что всё моё тело и бельё в крови. По этому можно было судить, что происходило ночью.

Я всегда благодарю Бога за крепкий сон, видя в этом особую милость Божью.

Стояла сильная духота. Иногда надзиратели открывали «кормушку» (окошко в двери, через которое подают пищу), и сквозняк немного менял воздух в камере.

Прогулки были по полчаса в сутки. Я всегда выходил. На это время включали музыку через громкоговоритель, чтобы заключённые, гуляющие в разных двориках, не перекрикивались. Мне этот шум не мешал, я был спокоен.

Время большей частью проходило в беседах — наедине с кем-нибудь, а иногда и с группой заключённых. Встречались очень хорошие собеседники. В этой камере вслух читали мой приговор.

Я уже не говорю о том, что в камере всё время курят и варят чифир. Такая картина типична для всех тюрем. Круглые сутки играют в карты. Проигрывают деньги, вещи, совесть, честь...

К умывальнику в тапочках подойти невозможно. Вначале я не мог понять, откуда берётся эта грязь? Будто кто-то нанёс слой чернозёма толщиной сантиметров пять. Потом понял — это перемешанная с водой зола от бумаги и тряпок, которые жгли, заваривая чифир. Чтобы можно было подойти к умывальнику и туалету, заключённые уложили в слякоть пять или шесть перевёрнутых вверх дном мисок и по ним шагали, как по камешкам. Ко всему можно привыкнуть и на всё смотреть спокойно.

В этой тюрьме я впервые увидел надзирателей с дубинками и деревянными молотками. Впрочем, не только увидел, но и испытал силу деревянного молотка. Знаю, вам будет интересно узнать: за что? Неужели ваш отец — нарушитель режима?

Это произошло 4 июня. Нас повели в баню. Мыла у меня не оказалось, хотя вы позаботились и передали его достаточно. Но моим сокамерникам никто его не передаёт, и я постепенно всё раздал.

В душевой нам дали по маленькому кусочку мыла, и мы стали поспешно мыться. Воду включают всего на

десять минут. Кто не успел ополоснуться — тому приходится одеваться мыльному.

Прошло минут шесть. Некоторые уже помылись и стали уходить. Я собрал брошенные обмылки и быстро постирал нижнее бельё. Когда воду выключили, я радовался, что успел всё постирать. Стал одеваться. В предбаннике было очень душно, и мне стало плохо с сердцем. Я одевался, но медленно. Обычно заключённых не уводят в камеру, пока не выйдут из бани все. Но когда я вышел, во дворе уже никого не было, и я побежал догонять. Стоящие во дворе рабочие дружно засмеялись: «О, сейчас и этот попадёт под молотки!»

Как только я спустился в подвал, где располагалась наша камера, у дверей стоял старшина с молотком. Не буду повторять всего, что услышал от него (эти слова недостойны повторения). Под дружный смех надзирателей я получил один удар молотком, но и тот долго давал о себе знать.

Обстановка в пересыльных тюрьмах такая, что все заключённые с нетерпением ждут отправки в лагерь.

Наконец 8 июня меня вызвали. Я знал, что этап в этот день идёт только на «двойку», то есть в ростовский лагерь, и был доволен. Всю ночь нас держали в отдельной камере, а наутро погрузили в воронок и отвезли на место.

Очень трудный путь был позади. Я радовался, не зная, что через три месяца опять буду собираться в дорогу и что этап будет ничуть не легче предыдущих. Но мы — странники и пришельцы на земле. Путь наш

лежит через страдания, разлуки, скорби и лишения. При всём этом наша цель прекрасна — Небесное Царство! И чем больше мы сейчас устаём в пути, тем дороже, приятнее и милее будет отдых в небесах. Христос отрёт слёзы с наших очей. А кто не плакал, тому и утирать нечего!

Будем же трудиться до устали во имя Бога! Даже изнемогая, будем преодолевать наше поприще во славу Божью! Господь даст нам силы на всё. С Ним мы победно пройдём путь. Слава Ему!

В следующем письме постараюсь рассказать о пребывании в ростовском лагере.

Ваш папа

Письмо двадцать шестое

Продолжаю давно начатое письмо.

Я в лагере. Что представляет из себя лагерь строгого режима? Эти лагеря бывают очень разные и по территории, и по внутреннему распорядку: в каждом свои особенности.

В ростовском лагере мне больше всего понравились обширные места для прогулки. Есть небольшой стадион. Это, конечно, редкость для строгого режима.

Вы, по-видимому, обратили внимание, что я ни в одном письме не писал о том, как кормят в тюрьмах и хватает ли пищи. Я это делал умышленно: мы ведь не рабы своего желудка! Апостол Павел говорил, что он

научился всему: насыщаться и терпеть голод, жить в изобилии и в недостатке. «Всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13).

Всем нам очень важно достигнуть полного довольства в любых обстоятельствах. «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир, и радость во Святом Духе», — говорит Священное Писание (Рим. 14, 17). Другими словами, когда останешься голодным или ежедневно будешь жить впроголодь, это не будет отрицательно отражаться на твоём духовном состоянии.

Я часто ложился спать с чувством сильного голода. Но утром случалось, что даже не шёл на завтрак, так как просто не хотел кушать. И самочувствие было хорошее.

В ростовской колонии мы семь дней находились в карантине. Камера для вновь прибывших (нас было пятнадцать человек) размещалась в здании штрафного изолятора. Это здание с длинным коридором, по бокам которого — двери с засовами, как в тюрьме. Вещмешки нам не разрешили взять с собой. Мы сложили их в кабинете надзорслужбы. Через два часа камеру отворили и велели забрать свои мешки. Их проверили и изъяли то, что требовалось надзирателям. Это — мелочь, но я пишу для того, чтобы вы имели представление о жизни в лагере.

Вставал я раньше всех, часов в пять утра, молился и выходил на свежий воздух. Ранним утром особенно хорошо иметь общение с Богом, я высоко ценю уединение.

Стояла середина июня. Погода хорошая, воздух чистый, а я сильно соскучился по свежему воздуху. Поэтому прогулки мои были длительные, от них я испытывал громадное удовольствие. Мне казалось, что я никогда не надышусь свежим воздухом. Хотелось дышать, дышать и как можно глубже. Так обычно ведут себя люди, уставшие от длительных скитаний по тюрьмам.

Были у меня хорошие собеседники. По вполне понятным причинам я не буду называть их имён, но всегда помню их в своих молитвах. Один заключённый говорил: «Какое это счастье, что я услышал такую простую истину о прощении грехов! Не сожалею, что попал в тюрьму. Я узнал здесь то, чего никогда бы не узнал на воле. Кроме клубов, дворцов культуры, стадионов, пивных баров, ресторанов, парков и пляжей я ничего не посещал. О Боге слышал только в грязных анекдотах».

Особенно запомнился мне один высокий парень. Как-то раз вечером он подошёл ко мне и спросил о моих убеждениях. Его интересовало, почему наши общины не зарегистрированы и за что нас судят. В конце разговора он признался, что был дружинником и разгонял верующих, доставлял молодёжь в милицию. Он объяснил, что толком не знал, за что верующих гонят. Ему сказали только, что христиане — это американские агенты, провокаторы и шпионы. Но когда он узнал, что всех, кого они привезли в милицию, отпустили, то задумался и понял, что дружинникам чего-то не договаривают, их обманывают. Нам

пришлось расстаться, и он попросил у меня прощение за то, что, будучи обманутым, причинял зло невинным людям. Он был приятно удивлён, видя моё самое доброе отношение к нему.

Помню ещё одного убийцу. Он получил очень большой срок. Не хочу рассказывать подробности его преступления. Он сам понимал, что совершил страшное. Мы с ним часто встречались. Он много говорил. Однажды я попросил его не прерывать меня и выслушать до конца. Как мог, рассказал ему о Божьей любви, о грехопадении человека, о возмездии за грех, о пролитой Крови Иисуса Христа, о Книге жизни, в которой пишутся имена всех спасённых. Мы пробеседовали целый вечер и только после отбоя расстались.

В пять утра, по обыкновению, я вышел на прогулку и увидел вчерашнего собеседника. Он не спал всю ночь, силясь понять, почему так просто можно избавиться от грехов?

«Если бы Бог требовал больших жертв для прощения грехов, было бы более понятно, — рассуждал он. — Но здесь всё очень просто: признай только вину, и Кровь Иисуса Христа очистит от всякого греха...»

Я рассказал ему о планах Божьих, что «благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1, 21). Большая у нас была беседа. Думаю, что и этот грешник нашёл прощение во Христе Иисусе.

Я хотел бы, дорогие мои дети, чтобы вы написали мне, как понимаете этот текст Священного Писания? Почему у Бога такой план спасения и что такое «юродство проповеди»? Очень хочется получить от вас обстоятельный ответ на мои вопросы. Буду ждать.

Дорогие, я написал вам о взаимоотношениях с заключёнными. Но у меня были беседы и с начальством. Об этом в следующий раз.

Господь да сохранит вас!

Ваш папа

Письмо двадцать седьмое

Дорогие мои дети! Приветствуя вас, продолжаю давно начатые письма. Когда закончу? Не знаю. Наверное, когда освобожусь и увижусь с вами, тогда и нужды не будет писать, а пока... Да поможет нам Господь не только сохранить любовь к переписке, но иметь одно сердце, одну цель, единое стремление.

Итак, в прошлом письме я рассказывал о моих взаимоотношениях с заключёнными. Воспоминания о ростовской колонии у меня остались самые лучшие — можно сказать, что Господь дал мне два с половиной месяца отдыха. После этого меня опять отправили в дальний путь.

Я обещал вам написать в этом письме о своих встречах с начальством.

Однажды вызвали меня в оперчасть. Офицер стал расспрашивать о семье, о личной жизни.

Я удивлённо сказал:

— Гражданин начальник, я нахожусь в оперативной части, а не в благотворительном обществе. Поэтому прошу, не теряйте времени, скажите конкретно, зачем вызвали?

— Познакомиться с вами.

— В оперчасть для знакомства не вызывают. Для этого в отряде есть начальник.

Он улыбнулся:

— А что вы думаете об оперчасти? Вы знаете, какие функции мы выполняем?

Он разговаривал со мной намёками. Изучал: смогу ли я сотрудничать с ними.

— С функциями оперчасти знаком, — ответил я, — но сотрудничать с вами не буду никогда. Этому учит нас Евангелие, которое мы приняли всем сердцем. И это стало нашим убеждением. Мы не равнодушны к греху. Мы сами отказываемся от греха и обличаем тех, кто грешит. Мы никогда не одобряли преступлений. Но методы исправления преступников у нас, как у духовных лиц, совершенно другие и не строятся на доносах. Поэтому я говорю вам о своём убеждении сразу.

Мы расстались по-хорошему. Он обещал ещё вызвать, но не вызвал.

Может быть, вы не знаете, что такое оперчасть, тогда я вкратце опишу. Отношения между заключёнными строятся на слежке друг за другом. Кто что сказал, чем занимался, что принёс или отнёс, куда и кому отнёс, у кого какие планы и прочее — всю эту

информацию оперчасть получает от своих агентов, которые являются тайными осведомителями.

Я далёк от того, чтобы осуждать их за это, но такова форма работы. Впрочем, такая же форма работы сотрудников КГБ на воле. Они везде имеют своих осведомителей, и даже в церкви! Но это — особый разговор. Если будет возможность, постараюсь об этом рассказать подробнее.

Вы обратили внимание, что в разговоре с офицером оперчасти я был предельно конкретным и сразу высказал своё отношение к сотрудничеству с ними? Нужно ли быть таковыми?

Скажу вам, дорогие сыновья, что Иисус Христос одержал победу в разговоре с дьяволом благодаря Своей конкретности: «Написано, написано, написано...» Трижды дьявол обращался к Христу с различными предложениями, и трижды Господь отражал его нападки словом Божьим. Ничего лишнего в их диалоге не было. А в конце Иисус сказал: «Отойди от Меня, сатана!» Разговор был коротким, а победа — великая.

А вот Ева потерпела поражение в беседе с дьяволом, потому что много говорила, высказывала опасения, вдавалась в уточнения.

Очень важно, чтобы юноша везде, куда бы его ни повёл Бог, сразу сообщал окружающим, что он христианин. Впоследствии ему будет от этого гораздо легче.

Один молодой человек рассказал мне о том, как его проводили в армию и в поезде он постеснялся

сказать о своей вере. Вместе со всеми он смеялся, слыша грязные анекдоты. Совесть его осуждала, но заявить о своём убеждении он так и не смог. С каждым днём ему было всё труднее и труднее вести себя по-христиански, и в результате он стал мирским человеком. О, как трудно ему было потом подниматься!..

Чтобы вы поняли, насколько серьёзен этот вопрос, расскажу историю из жизни одного служителя.

Он был верующим с юности. Где-то в тридцать шесть лет стал пресвитером и очень любил свою большую общину. Когда начались трудности, угрозы со стороны гонителей, он вначале бодрствовал. Он рассказывал мне, что Бог даёт ему мудрость в отношении законодательства о религиозных культах. «Выполнять его — великий грех», — говорил он. Но постепенно этот служитель нашёл общий язык с уполномоченным по делам религиозных культов. Я удивлялся его изворотливости и попросил объяснить, как ему это удаётся.

И он рассказал: «Меня вызывают в соответствующие органы и ругают, что развёл активную религиозную деятельность в церкви: и дети участвуют в служении, и призывные собрания есть, и крещение совершается без согласования с уполномоченными, и многое другое. Говорят, что эти действия караются законом и подлежат уголовному наказанию по ст. 142 УК РСФСР. Я внимательно слушаю, а потом отвечаю, что я человек сельский и делаю всё как лучше, а о том, что существует такая

статья, ни разу не слышал. Они смеются над моим тупоумием, а я притворяюсь простачком и втайне над ними посмеиваюсь. Ведь Давид тоже притворился однажды юродивым. А ты, брат, как поступил бы?» — спросил он меня.

Я ответил, что в таких случаях поступаю решительно и прямо говорю, что выполнять законодательство о религиозных культах никогда не буду, потому что оно противоречит учению Иисуса Христа.

Тот пресвитер не согласился со мной: неразумно, мол, открывать себя врагу. «Пусть, — говорит, — враг не знает, о чём ты думаешь и что планируешь».

Спустя некоторое время мы с ним вновь встретились. Он предложил мне провести беседу в его церкви. Я это сделал. Среди прочего затронули вопрос о ходатайствах, о гонимых верующих, об отношении к регистрации, о законодательстве.

После этой беседы пресвитера, конечно, вызывал уполномоченный и спрашивал, зачем члены церкви пишут ходатайства. Он ответил: «Лично я ничего не писал. Я понимаю, что надо больше уповать на Бога и Он защитит. Но некоторые понимают иначе, и ради единства я разрешил написать».

Затем его спросили, почему в общине неодобрительно смотрят на законодательство о религиозных культах? Он ответил: «Я неграмотный, и в этих вопросах не разбираюсь. А если гости что-то говорят, то каждый за себя ответит».

Этот служитель предложил общине избрать помощника пресвитера. «Мне тяжело, я уже старый», — указал он причину. Церковь избрала брата — хорошего, ревностного.

Когда старого пресвитера вызвали в очередной раз и предъявили те же обвинения, он всю вину свалил на своего помощника: «Я занимаюсь богословием, а мой помощник — остальными вопросами, в которые мой разум не может проникнуть...» Помощника арестовали и осудили по 142-ой статье Уголовного кодекса.

Встретившись с тем пресвитером, я вновь поинтересовался, как идут дела в его церкви. Он был всем доволен и по-прежнему считал, что молодые братья неразумные и не умеют лавировать. В пример он ставил себя: «Где-то простачком, где-то юродивым прикинусь, а в душе знаю своё...»

Так он думал. Но придёт час, когда на праведном суде Божьем обнаружится подлинное значение всех наших дел. И что, если они окажутся изменой делу Христову и предательством в отношении тех сподвижников на Божьей ниве, которых мы ставили под удар своим «мудрым» поведением?! Тогда, поняв ужас своего положения, мы ничего не сможем изменить...

Дорогие мои дети! Бойтесь всякой нечистоты. Особенно бойтесь уклоняться от прямых путей Божьих.

Пресвитер, о котором я вам рассказывал, и сейчас ещё жив, но на него стыдно смотреть. Он всё время живёт в страхе, а это очень трудно. Иисус Христос

«трости надломленной не переломил» — это верно. Но на эту трость нельзя опереться. Если она и пригодится в хозяйстве, то только для огня. Помните слова: «В страхе есть мучение» (1 Ин. 4, 18).

Органы власти хорошо поняли этого лавирующего служителя. Пока они терпят таковых. Терпят боязливых, которые готовы вместо себя подставить под удар других. Такие люди не представляют для них опасности.

Я понимаю так, что служитель обязан бесстрашно защищать народ Божий в трудный для него час. Сам готовый к испытаниям, он обязан подготовить к ним и церковь, привить каждому члену церкви любовь к ближним и желание защищать друг друга всеми доступными путями (материально, словом ободрения, ходатайствами перед властями, одновременно обличая их в злых делах и свидетельствуя о любви Божьей). Всё это необходимо делать абсолютно открыто, не боясь, что тебя первого привлекут к ответственности. «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10, 11).

У доброго пастыря не должно быть хитрости, из-за которой он во имя личного благополучия подвергнет опасности других. Добрый пастырь во всякое время должен быть жертвенным в служении.

В 1967 году, когда я отбывал первый срок, меня спросили, чем намерен заниматься, выйдя на свободу. Я ответил: «Буду усердно служить Господу!» За это я не попал под амнистию и просидел в лагере ещё десять

месяцев. Но духом я торжествовал тогда и торжествую сейчас!

Дорогие мои сыновья, берегите своё сердце чистым! Храните совесть неосквернённой!

Мне очень хотелось бы видеть всех вас верными Богу, делателями неукоризненными, чистыми, святыми. Стремитесь к большему, светлому, прекрасному — и Бог будет с вами.

Хотел бы продолжать, но глаза сильно устали.

Ваш папа

Письмо двадцать восьмое

Мои милые дети! Продолжим наши рассуждения. На днях написал вам письмо (надеюсь, вы его получили), в котором отвечал на вопрос, какое событие принесло мне больше всего радости в заключении. Я говорил, что для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине.

Меня порадовало известие, что вы, дорогие мои сыновья, решили принять святое водное крещение, стать членами святой Церкви Христовой. Для каждого отца и матери — большое счастье дождаться того дня, когда их дети вполне сознательно посвятят свою жизнь Богу. Моему отцу не довелось испытать этого счастья на земле. За верность Богу он умер в узах, когда мы были ещё маленькими. Да, Бог оказал мне большую милость!

При всём моём приподнятом настроении я обязан указать вам на кое-какие опасности, которые могут подстерегать вас на христианском пути. Обратите внимание, что апостол Иоанн говорит: «Дети мои ходят в истине». К сожалению, должен сказать вам, что не все, называющие себя детьми Божьими, ходят в истине. Моя радость будет подлинной лишь тогда, когда вы не только примете святое водное крещение, не только станете членами церкви, но и будете ходить в истине Божьей!

Апостол Павел печалился о том, что многие верующие «ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу». Да не будет этого с вами, мои милые дети!

Ходить в истине Божьей — значит умереть для себя и жить для Бога и ближних. Жить по истине Божьей — значит не идти за большинством и не смущаться, даже когда не понимают друзья. Ведь последнее слово за Тем, Кому вы служите: за Богом. А Он Своё решительное слово, оценивающее всю вашу жизнь, ваше бытие, скажет в последний день.

Иисус Христос вынесет Своим рабам одно из двух определений: «верный и добрый» или «ленивый и лукавый». Соответственно оценке, каждый получит или награду, или наказание. Обратите внимание на притчу о талантах. Каждый из нас волен распоряжаться вверенным ему талантом по своему усмотрению. Если кто хитрит и неправо поступает, господин не мешает ему. Но в свой час спросит с него.

Мне очень хочется пожелать вам быть ревностными, искренними детьми Божьими, свято и

верно жить и трудиться, чтобы в тот славный день Христос сказал вам: «Верный и добрый раб, войди в радость господина твоего!» Об этом я молюсь.

Из Священного Писания, а также из жизни мы знаем много отрицательных примеров, когда люди начинали духом, а заканчивали плотью. Позвольте привести несколько примеров для вашего предостережения.

Елисей и Гиезий. Эти два служителя молились одному Богу, на одном жертвеннике приносили жертвы, оба были почитаемы в народе. Однако их поступки были прямо противоположны.

Михаила Ивановича всегда слушали с большим вниманием

Сирийский военачальник Нееман получил исцеление от страшной болезни, проказы, и в дар за это предложил Елисею большое богатство. Елисей отказался: «Жив Господь! Не возьму!». Нееман поехал домой, радуясь и благодаря Бога.

Богатство погубило очень многих в этом мире. Прельстило оно и Гиезия. Увидев, что Нееман увозит

драгоценности обратно, он решил взять себе хоть часть из того, от чего отказался его господин. Послушайте, что говорит Гиезий сам себе: «Жив Господь! Побегу и возьму!» Как Елисей, так и Гиезий призывают в свидетели живого Бога, а поступки их совершенно противоположны. Не буду рассказывать, что произошло дальше, вы хорошо знаете эту историю. Напомню только, что Елисей и по смерти имел силу (помните, как погребавшие мертвеца бросили его в гроб Елисея, и тот при падении коснулся костей Елисея и ожил!), а потомство Гиезия до четвёртого рода было поражено проказой.

Несчастье отдельных христиан в том, что они постепенно теряют Божье присутствие в своей жизни. Помните, как Бог говорил: «Ты это делал, и Я молчал; ты подумал, что Я такой же, как ты» (Пс. 49, 21)? Христианин, поступивший неправо и не понёсший наказания тут же (как Анания и Сапфира), начинает злоупотреблять Божьим долготерпением и незаметно очень далеко уходит от истины, и порой не верится даже, что он когда-то знал истину и пребывал в ней.

Божье определение «ленивый и лукавый раб» и последующее за ним возмездие будет очень тяжело вынести. О, если бы тот раб был только ленив! Но он прикрыл свою леность ещё и лукавством! Кому из людей хочется, чтобы о нём говорили плохо?

Многие христиане делают сегодня только такие дела, которые помогают им создать себе авторитет и избежать страданий. Они произносят грамотные проповеди, делают красивые призывы. Но у них нет

главного: личной жертвенности. Поэтому, когда им предлагают написать ходатайство за гонимых, они сразу выставляют множество причин-отсрочек: то «некому написать красиво и грамотно»; то «немного подождём, пока яснее узнаем факты»; то «уже поздно, брата посадили» и многое другое. Такие люди никак не хотят признать, что просто боятся гонений. О, если бы у них было мужество признать подлинную причину отказа от ходатайств! Но этого зачастую не происходит.

Не стоит поспешно выносить приговор таковым. Я должен со всей серьёзностью сказать вам, что в недалёком будущем многие услышат окончательное определение Господа: «Ленивый и лукавый раб!». Будет ли это полной неожиданностью? Нет, для этого раба такое определение не будет неожиданным. Господь и раньше, при его жизни на земле и при его служении, обличал его. Но всё было тщетно.

Бойтесь лености и лукавства! Милые мои, вы непременно встанете перед выбором: иметь личное благополучие или защищать истину. Молюсь о том, чтобы вы всегда делали выбор в направлении истины, и тогда Господь скажет вам: «Хорошо, добрый и верный раб, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю...»

Ваш папа

Письмо двадцать девятое

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...

Мф. 5, 12

Мои милые дети!.. Сердечно приветствую вас самой возвышенной любовью, которой наделил нас Господь.

Знаю, что вы всегда с волнением ждёте моих писем, переживаете, когда они задерживаются, и радуетесь, когда весточка приходит... Мне было приятно видеть, как вы бережно храните мои письма, с какой любовью перечитываете их. За это время и я получил от вас много писем. Вы пишете мне с раннего детства, потому что мы часто и подолгу в разлуке. Свои первые рисунки (домик, ёлочки, птички) вы посылали мне в узы. Иногда я получал особого рода рисунки: на лист бумаги вы клали свою ладонь и обводили её карандашом. И этому письму я был очень рад. Самые первые слова, которые вы написали мне печатными буквами: «Бог есть любовь».

Прошли годы. Я отбываю третий срок. Вы выросли и можете делать самостоятельные выводы, принимать решения. И я благодарю за это Бога! «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 14). А вы, мои дорогие сыновья, по милости Божьей нашли этот тернистый путь, и он стал вашим.

В этом году вы решили принять святое водное крещение, дать обещание служить Богу доброй совестью всю свою жизнь. Это правильное решение. Сожалею, что не мог быть на берегу реки, где вас крестили, но радуюсь, что могу написать вам хотя бы пожелание. Вы были послушны мне во всяком возрасте, надеюсь, что это послушание будет постоянным. Итак, выслушайте моё пожелание.

«Следуй за Мной!» Эти слова Иисус Христос говорил Своим ученикам. Пусть этот призыв прозвучит и для вас. Что значит следовать за Господом? Это значит разделять с Ним радость и горе, радоваться с Ним и плакать, быть в чести и бесчестии.

Быть всегда с Христом — великая честь. Прославленный Господь предстал перед учениками на горе Фавор во всём Своём величии. Если мы с Ним, то и мы будем преображаться. При въезде в Иерусалим Господу пели осанну, и если мы рядом с Ним — и нам честь.

Дорогие мои, будьте рядом с Христом и тогда, когда Он стоит перед Пилатом, когда Его обвиняют в различных надуманных преступлениях, когда Его бьют тростью по голове и плюют Ему в лицо. Будьте и в этих обстоятельствах рядом с Христом и не смущайтесь, если какое нелепое обвинение падёт на вас, если какой удар тростью причинит вам боль, если какой плевок хулителей Христовых обезобразит ваше лицо. Будьте всегда рядом с Христом. Следуйте за Ним! Идите по Его стопам, и будете счастливы. Радуйтесь

всякой возможности прославить Иисуса Христа через страдания, лишения и унижения.

Дорогие мои дети! Мы ждём второго пришествия Иисуса Христа на землю, когда все верные будут переселены на небеса. Там, в вечности, мы будем всегда с Христом. Там мы со всеми святыми будем жить во веки веков. Я хочу спросить вас: с чем вы туда явитесь?

Живя на земле, Иисус Христос учил Своих последователей собирать себе сокровище на небесах (Мф. 6, 20), то есть не здесь, а там «открыть свой лицевой счёт». Всем вкладчикам Он гарантировал надёжность вкладов. «В Бога богатейте!» — наставлял Христос (Лк. 12, 21). На небесах одни получат от Господа великую награду, а другие окажутся без неё.

Эпиграф, который я привёл в начале письма, предлагает вам очень серьёзно проверить свою жизнь. Ведь правом страдать за Иисуса Христа обладает только человек. Ангелы не могут проникнуть в эту тайну.

Помните, как в дом Лота, живущего в Содоме, вошли два Ангела и как негодные люди, желая сделать пришельцам зло, требовали, чтобы Лот вывел их? За такое беззаконие негодные люди были поражены слепотой, а Ангелы продолжали выполнять порученное им Богом служение. Ангелы, повторяю, не имеют права страдать за Христа, а мы имеем! И, слава Богу, мы пользуемся этим великим правом и радуемся, перенося страдания, побои, разлуки и всякие лишения.

Я часто вспоминаю диакона первоапостольской церкви Стефана. Его побивали камнями, а он молился за своих палачей: «Господи! не вмени им греха сего...» Никто из палачей не ослеп, как это было с содомскими жителями, никто не умер от внезапного гнева Божьего. Умер только

Стефан. Написано, что, умирая, он увидел отверстое небо и Самого Иисуса Христа, Который наблюдал за этим великим событием. Стефан получил свою награду на небесах. Его примеру последовали миллионы христиан, которые в мучениях донесли до наших дней слово истины. Каждый из них получит свою награду.

Я вновь повторяю: с чем явитесь вы?

На небесах мы будем жить вечно. Встречаясь со святыми, будем вспоминать о нашей жизни на земле (ведь память мы возьмём с собой!). О чём вы будете вспоминать? Конечно, не о своём доме, каким бы прекрасным он ни был. Ненужным окажется воспоминание о положении в обществе, о богатстве и так далее. На небе достойной воспоминания будет лишь святая жизнь. Если мы жертвенно жили для Господа, если во время гонений, когда все закрывали дома для богослужений, мы держали открытым своё жилище для народа Божьего и делали это с радостью, нам будет о чём вспомнить. Думаю, что такие христиане поклонятся Христу и каждый скажет: «Славлю Тебя, Господи, что Ты удостоил меня на земле великой чести, посетив мой дом с народом Своим!»

Наша жертвенная жизнь на земле будет предметом торжества на небе.

Сожалею, что надо заканчивать письмо, но вы и сами можете продолжить начатую тему. Буду ждать продолжения.

Радуйтесь и веселитесь, когда за имя Христа будете переносить поношения, скорби, озлобления. Возможно, за служение Богу вас будут злословить через радио, телевидение и прессу; будут штрафовать, понижать в должности и даже увольнять; будут лишать свободы на пятнадцать суток, а то и на годы, — радуйтесь великой радостью! Страдать за Христа — наше право! Воспользуйтесь этим правом, мои милые сыновья!

Жду от вас ответа. Хочу знать, что вы думаете о поднятых в этом письме вопросах.

Ваш папа

Письмо тридцатое

Дорогие мои дети, мир вам!

Хочу продолжить разговор о моём служении Богу и об опасностях, которые встретились мне на этом пути. Может быть, более подходящее слово не «опасности», а «трудности».

Какими бы способностями ни обладал проповедник, в служении Богу ему придётся встретиться с трудностями. Больше того: по мере способностей будут увеличиваться и трудности.

Начинающего проповедника обязательно постигнут неудачи. Он не всегда сумеет высказать то, что у него на сердце. Но это не опасно. Когда проповедник чувствует неудовлетворённость своим служением, он проявляет беспокойство, а это уже хорошо. Тогда он пребывает в усиленной молитве, ищет в себе недостатки, ищет причину неудачи, больше углубляется в Слово Божье, тщательнее готовится к следующей проповеди.

Он был в числе пламенных проповедников

Всё это я испытал в юности. Самое главное — проповедовать Слово Божье не кое-как. Если во время твоей проповеди слушатели спят, не вини их. Возможно, они задремали потому, что ты неинтересно преподносишь затронутую тему, в твоих словах нет жизни. Твоя речь может быть весьма грамотной, но

если в душе нет огня, проповедь не зажжёт слушающих.

В течение тридцати лет своей христианской жизни я проповедовал очень часто и, когда видел перед собой дремлющего слушателя, винил только себя. Конечно, иногда слушатели дремлют, потому что утомились на работе или не спали всю ночь. Но скажу из опыта: когда проповедник «пылает», то слушатели «горят».

С годами я стал чувствовать всё большую ответственность за свои проповеди. Как правило, мне приходилось говорить слово последним. Стараясь уложиться в тридцать минут, я считал себя обязанным говорить так, чтобы люди хотели ещё слушать.

Приступая к проповеди, я всегда был в напряжении, понимая, что от меня ждут обильную «пищу». Жить в постоянном напряжении очень трудно, сильно устаёшь. Иисус Христос в минуты усталости искал уединения. Тем более необходимо уединяться нам для общения с Богом, для обновления в силе. Пользуйтесь этим!

Дорогие мои дети, вы вошли в юность, зная Священное Писание с детства. Вас воспитывали в христианском духе, вы с детских лет добросовестно относились к чтению Библии и христианской литературы, а также к молитве. Это была подготовка к служению. Конечно, служение Богу может быть разным, соответственно дарованию, которое даёт Бог. Да благословит Он вас!

Начинающий проповедник встречается не только с трудностями. Ему может сопутствовать большой успех. Бывает так: на богослужении проповедуют братья разного возраста и духовного опыта, и среди них — юноша, проповедь которого произвела сильное впечатление на слушателей. И вот для юноши наступает весьма трудный момент. Сумеет ли он правильно отреагировать? Не припишет ли себе славу, которая принадлежит Богу? Не унизит ли он других проповедников?

Часто вспоминаю одно богослужение в Риге. Мы, четверо юношей из Ленинграда, приехали туда на воскресное собрание. Всем четверым предложили слово. Получилось так, что я говорил последним и должен был пригласить к молитве. Это была моя первая проповедь на таком многолюдном богослужении. Когда поднялся на кафедру и увидел перед собой большой зал, до отказа заполненный верующими, я очень взволновался. Я уже не раз проповедовал, но это было в кругу молодёжи, дома или среди близких друзей, а здесь передо мной — более тысячи человек...

Я прочитал из Евангелия следующий текст: «И как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому» (Ин. 3, 14). Скованность быстро исчезла, и через пару минут я говорил свободно, вдохновенно и даже страстно. Зал плакал, слышались громкие всхлипывания.

Говорил я минут двадцать, затем пригласил к молитве и преклонил колени. И вдруг, о ужас! Ко мне

пришла мысль, что из всех говоривших сегодня я — самый удачный проповедник. Я гнал эту мысль прочь, старался вникнуть в суть молитв, произносимых вслух, но негодная мысль настойчиво овладевала моим сознанием.

«Только твоя тема заняла сердца слушателей, — шептал коварный голос, — обрати внимание на молитвы...» Всеми силами я старался отогнать эти недостойные мысли, но, поверьте, сделать это было не так-то просто!

Когда мы, гости, проходили по залу, многие поджидали нас для того, чтобы пожать мне руку и поблагодарить за сказанную проповедь. Одна пожилая сестра со слезами на глазах говорила: «Дорогой брат, я пятнадцать лет ждала такой проповеди! Сам Господь сегодня через вас сказал мне то, что я ожидала от Него многие годы».

Дорогие дети, я был тогда в вашем возрасте, и вы сами взвесьте, легко ли принимать такую похвалу в свой адрес?! Мне стоило больших усилий ничего не приписать себе. Господь говорит: «Славы Моей не дам иному» (Ис. 48, 11). Горе тем, которые возомнили себя очень способными и хвалятся этим. А чем хвалиться? Ведь кому много дано, с того много и спросится!

Вы знаете, какие деревья срубают и выкорчёвывают? Которые не приносят плода или же приносят дикие, несъедобные плоды. Бывает, правда, и другая причина: срубают дерево, которое ещё недавно приносило прекрасные плоды, доставляя садовнику много радости. На нём было такое обилие

плодов, что оно не выдержало нагрузки и его ствол раскололся пополам. Я видел такое дерево. Видел я и людей, которые внутренне надломились, не выдержав духовной нагрузки. Причины такой катастрофы могут быть различными. Не хочу подробно останавливаться на них, но смело скажу: если бы я хоть один, даже малый успех в служении приписал себе, а не Богу, это была бы моя личная катастрофа. Обычно под ветки, на которых много плодов, подставляют подпорки, чтобы помочь удержать тяжесть. В таких подпорках и я всегда нуждался и нуждаюсь по сей день...

Итак, мои милые, желаю вам совершать служение с полной отдачей. Любое служение Богу требует прежде всего всецелой отдачи и глубокой серьёзности.

Вы спросите, какое служение было у меня на первом этапе моей христианской жизни? Скажу. Как только обратился к Богу (в семнадцать лет), мне сразу захотелось выполнять какое-либо служение. И я нашёл для себя дело. Ленинградская церковь была очень большая (воскресные богослужения посещало около двух тысяч человек). Я старался не выпустить из виду ни молодого, ни пожилого, кто пришёл на собрание первый раз. Среди них были и приезжие братья и сёстры, которые нуждались в гостеприимстве. Я много беседовал с неверующими, и результаты были очень хорошими. Некоторые из тех, кто впервые переступили порог дома Божьего, навсегда обрели покой и счастье своей душе у ног Господа. Кое-кого вы знаете.

Наши собрания посещали солдаты и матросы, служащие в армии, и я никогда не проходил мимо незнакомых. Очень часто эти знакомства вырастали в большую дружбу. Одиноких юношей и девушек, которые жили в общежитии, я старался познакомить с семьями верующих, где они могли найти приют. Этому служению я отдавался полностью.

Друзья в Господе, 1957 г.

Только теперь понимаю, какая хорошая и мудрая была у меня мама. Она незаметно направляла мои поступки и моё поведение в верное русло, а я об этом не догадывался! Мне казалось, что у меня всё само собой идёт гладко. Глядя на свои успехи, думал, что причина тому — моя догадливость. Только сейчас понимаю, что это моя мама так умело, ненавязчиво контролировала мои поступки. Приведу пример.

Однажды мама прочитала вслух место из Священного Писания (у неё был обычай читать Слово Божье вслух), где Христос предлагает делать добро прежде всего тем, кому нечем рассчитаться. Мама спросила меня, как я понимаю прочитанное. Я объяснил. Она согласилась с моим объяснением, а потом как бы невзначай спросила: «Сынок, как ты думаешь, не следует ли и тебе так поступать? Посмотри на молодёжь: в основном приглашают в гости тех, кто авторитетен, смел. А скромные и робкие всегда в стороне. Почему? Это же несправедливо! Ты попробуй собрать тех, кто живёт в общежитии, кто замкнут по характеру и проводит свою жизнь в уединении: на собрание — и домой, ни с кем не знакомится. Ведь это выглядит странно, что молодой человек или девушка одиноки. Причин может быть много, но одна из них — твоя халатность...»

Мне в ту пору было восемнадцать лет. Я поинтересовался, как это сделать, и мама дала мне несколько советов. Я очень загорелся такой идеей, и через неделю в нашей комнате собралось около тридцати юношей и девушек. Умышленно не говорю «братьев и сестёр», так как многие из них ещё не были обращёнными, но стремились к лучшему, искали истину.

Вечер у нас прошёл замечательно. Обычно молодёжь, собираясь, много поёт, но мы настолько увлеклись беседой, что не успели спеть ни одного. гимна. С тех пор я особенно полюбил это служение — уделять внимание никем не замеченным.

Почему я пишу об этом сейчас? Не только для того, чтобы вспомнить свою юность. Я беспокоюсь о вас, о вашей жизни. Нашли ли вы своё место на просторах Божьей нивы? Это меня очень беспокоит. У вас сейчас такой возраст, что сегодняшнее служение окажет влияние на всю дальнейшую жизнь. Надеюсь, вы внимательно и серьёзно отнесётесь к моим письмам, советам и предостережениям.

У моей и вашей юности много схожего: вы, как и я, с раннего детства получали христианское воспитание; вы, как и я, имеете богобоязненных родителей; вы, как и я в вашем возрасте, горите желанием что-то делать для Господа. Но у вас есть одно преимущество, которого не было в вашем возрасте у меня: у вас есть отец, который сейчас, хотя только в письмах, но может вас наставлять, помогать вам, что-то подсказывать. У меня рано не стало отца, и потому я был лишён даже письменного отцовского наставления.

Можно было бы закончить это письмо, но считаю несправедливым не описать ещё один эпизод из своей ранней юности.

Видя мою ревность и пылкость, мама проявляла обо мне особую заботу. Как-то раз вечером, когда я уже лёг спать, она подошла ко мне и так ласково говорит (видимо, боялась, что я могу её неправильно понять): «Сыночек, прошу тебя, не делайся учителем. Во-первых, тебе всего восемнадцать лет. Ты молод, и тебе не к лицу поучать старших. Во-вторых, у тебя ещё нет таких познаний, чтобы ты мог ответить на любой

вопрос, который тебе зададут. И, вообще, написано: „Не многие делайтесь учителями..."»

Не помню, что ответил тогда, но мне не понравилось её наставление. Мне показалось, что она из чисто материнских чувств угашает во мне дух и что в её глазах я всегда буду «маленьким». Но у нас не было принято противоречить маме, она была главой семьи.

Прошли годы, десятилетия, и что я могу теперь сказать об этом? Предостережение мамы мне очень помогло в жизни. Довольно часто, особенно после избрания на служение, я вспоминал её наставления. Хотя и малограмотная, она обладала большим жизненным опытом и была весьма богобоязненной.

Юноше, каким бы способным он ни был, не хорошо торопиться с поучениями. Его должна украшать скромность, каким бы разумным и духовным он ни был. Иногда молодых братьев буквально засыпают вопросами: как понимать то или иное место Священного Писания, как поступить в том или ином случае и так далее. Хорошо, если у юноши хватит мужества сказать: не знаю. Это было бы справедливо и честно. Но молодым бывает неудобно признать свою неосведомлённость, и тут начинаются ошибки. О, как это опасно! Опасно не только потому, что ты кого-то неправильно наставишь, дашь неверный совет. Самое главное — ты навредишь себе! В будущем такой юноша не будет бояться ошибок, потому что смолоду привык учить, сам будучи

непросвещённым. Бойтесь этого! Будьте духовными и смелыми, но скромными.

Хочу напомнить вам случай из жизни Моисея — великого мужа Божьего. К нему, как к вождю Израильского народа, подошла группа людей с вопросом: можно ли им совершать Пасху Господню вместе со всеми израильтянами? Что ответил Моисей? Он сказал: «Постойте, я послушаю, что повелит о вас Господь».

Какая удивительная скромность! На это способны только сильные духом! Моисей не побоялся, что народ подумает о нём плохо. Ведь он видел Самого Бога, решал серьёзные вопросы, совершал великие чудеса, написал закон, продиктованный Богом, и вдруг — не знает, что ответить на столь незначительный вопрос?!

На такое смирение мало кто из юношей способен. В основном подводит поспешность и юношеская горячность.

Хочу привести пример. Если твои часы показывают неправильно, то они введут в заблуждение только тебя; если неправильно идут часы в доме — ущерб будет всей семье. Если неверно показывают время часы на городской башне — ущерб понесут жители города. А если по радио неправильно объявят время — в заблуждении окажется вся страна.

Надеюсь, вы поняли мою притчу. Когда сам ошибаешься, неправильно оцениваешь какие-либо события, то ущерб наносишь только себе. Это не так страшно, это можно поправить. Но если ты ошибся и

так научил других, то хотя завтра и уразумеешь ошибку, исправить её очень и очень трудно.

Я никак не хочу, чтобы теперь, прочитав моё письмо, вы стали безынициативными, боясь ошибиться. Будьте Моисеями, не стесняйтесь признавать своё незнание — и окажетесь великими в очах Божьих, и Он сможет пользоваться вами гораздо больше.

До завтра. Целую вас, милые дети!

Ваш папа

Письмо тридцать первое

Дорогие мои дети!.. Сердечно приветствую вас любовью, которая возрастает во мне по мере того, как возрастаете вы. Соответственно вашему возрасту у меня умножаются и заботы о вас, растёт беспокойство за вашу будущность. Я знаю, что вы послушны родителям, дружны между собой, услужливы, прилежны и исполнительны. Много можно перечислить доброго, что вижу в вас, но для полного счастья всего этого мало.

Вы навсегда покинули детство и вошли в юность, и я приветствую вас, дорогие мои, на этом этапе жизни! В юности вы непременно столкнётесь с неведомыми для вас трудностями.

Апостол Иоанн писал наставление верующим всех возрастов: детям, юношам, отцам. Юношей он приветствовал торжественными словами: «Пишу вам

юноши, потому что вы... победили лукавого». Это приветствие относится не ко всем, а только к побеждающим. Обратите внимание, что лукавый вступает в особую брань с юношами, и они, по свидетельству Иоанна, в этом трудном единоборстве с дьяволом выходят победителями. Значит, есть и такие юноши, которые не сохраняют свою юность незапятнанной! Причины их падения различны. Одни поражены гордыней, ибо высоко думают о себе, другие погрязают в богатстве, третьи гибнут в юношеских похотях, в низменных страстях и так далее. О, сколько юных душ загубил дьявол ещё при начале их жизненного пути!

Юношам необходимо ограничивать свои желания, умерщвлять в себе похоти и страсти, потому что познавшим горечь греха, вкусившим яд смертоносных похотей очень трудно придётся в жизни.

Сыновья навсегда распрощались с детством

Апостол Павел советует юному служителю Тимофею не просто уходить от похотей, восстающих на душу, а спасаться от этого греха бегством. Почему? Потому что большая опасность кроется в самонадеянности тех юношей, которые думают, что справятся со своими влечениями, объявив им войну. Тот, кто надеется на свои силы и ведёт себя легкомысленно, непременно попадёт в дьявольскую сеть.

Я всегда наставлял юношей, чтобы они были осторожны, берегли себя.

Юноши иногда говорят, что у них здравый смысл берёт верх над страстями и им нечего бояться. Они уверены в себе. Им приятно быть наедине с сёстрами, им кажется, что они знают допустимый предел, насколько можно дать волю чувствам, знают, когда

нужно остановиться. Нет! Нет! Нет! Зачем обманывать себя? Юношеских похотей нужно убегать стремительно, а не пребывать в них в меру допустимого. Их вовсе нельзя впускать в своё сердце! Необходимо непрерывно бодрствовать и, как только похоти дают о себе знать, моментально перечёркивать их в своём сознании, не позволяя им овладевать сердцем.

Только те юноши и девушки, которые сохраняют себя в чистоте, то есть хранят от греха своё сердце, помыслы, взгляд и чувства — могут надеяться на благословенное будущее. Только страх Господень может удержать вас от господствующего в мире растления.

С ранней юности я старался жить в страхе Божьем и стремился находиться в среде немногочисленных побеждающих христиан.

Вы знаете, что на формирование моего характера большое влияние оказала мама. Она ежедневно заботилась не только о нашем здоровье — её материнское сердце находилось в постоянной тревоге за наши души. Она беспокоилась даже о том, чем заняты наши мысли.

Бывало, задумаешься, а мама обязательно заметит и спросит, что тебя беспокоит, о чём переживаешь. Однажды я сказал ей: «Мама, почему ты спрашиваешь, о чём я думаю? Ведь не всегда удобно сказать об этом вслух, а говорить неправду — грех. Ты вводишь меня в неловкое положение...»

«Сынок, я в ответе перед Богом за тебя, — ответила она, вздохнув, — и мне важно, чтобы ты не только внешне был чист и опрятен, но чтобы душа твоя была чистой. Перед Богом ты всегда открыт, и ты это знаешь. О чём же ты можешь думать, чего я не должна знать? Когда у тебя будут дети, тогда ты узнаешь, как это серьёзно. Пойми, насколько ты будешь откровенен со мной, настолько твои дети будут откровенны с тобой. Всей глубины моей тревоги тебе пока не понять, но как ты был послушен мне до сего дня и ничего не скрывал, таким останься и в будущем».

Мне было тогда лет восемнадцать, и я старался ничего не скрывать от мамы. Скажу откровенно, не всегда легко было это делать. Прихожу как-то домой в полночь. Мама не спит. Она знает, что вечернее богослужение давно закончилось, и я должен прийти часам к одиннадцати. Я же задержался. Она ставит на стол ужин, садится рядом и не из любопытства, а как самый близкий друг, для которого дорог каждый твой шаг, спрашивает: с кем беседовал, не нужно ли было кого проводить и прочее. Словом, её волновало всё, что меня окружало...

Какая милая и заботливая была у меня мама! Сколько матерей теряют своих детей, считая, что они уже взрослые и в их жизнь уже не надо вмешиваться, тогда как им всего восемнадцать или двадцать. Какая великая ошибка!

Михаил с младшей сестрой Марией, 1949 г.

Скажу прямо: не всегда умело мама подходила ко мне, но она всегда была начеку, она была моим милым сторожем.

Однажды мама сказала: «Сынок, дай мне слово, что ты не будешь помышлять о женитьбе до двадцати пяти лет». И я дал ей это слово. Мне тогда было двадцать. И я благодарен ей за это предостережение. Дав слово, я старался его исполнить, и не в двадцать пять лет, а в двадцать семь впервые обратился к Богу в молитве, чтобы Он дал мне друга жизни, за которого по сей день благодарю моего Господа.

Дорогие мои дети! Я очень хочу, чтобы вы были откровенны во всём. Это избавит вас от многих ошибок. Ведь у вас много энергии, много замыслов и сил, но опыт отсутствует.

Мне приходилось не раз слышать, как молодые люди пререкаются с родителями: «Мне уже

восемнадцать, а вы контролируете меня как маленького! Я сам во всём разберусь! Ни о чём меня не спрашивайте: где был, что делал, всё равно ничего не скажу. Никогда не спрашивайте, куда иду, я уже взрослый...»

Бывают ли у вас такие разговоры? Если да, то вам срочно нужно покаяться и начать новую жизнь.

Великое счастье иметь богобоязненную мать, которая не только в раннем возрасте может предостеречь от беды, но и в юности поможет сохранить сердце незапятнанным.

Ваш папа

Письмо тридцать второе

Приветствую вас, мои милые!.. Сегодня хочу поделиться с вами воспоминаниями о своей маме (5 марта — день её похорон). В то время я был в тюрьме. О её смерти мне сообщил следователь. Раньше я думал, что смерть матери особенно трагична, когда остаются маленькие дети. Но сейчас глубоко убеждён, что мать нужна детям во всяком возрасте.

Я люблю писать вам письма, у меня не возникает проблем, о чём писать. Но писать о маме тяжело. Во-первых, какие слова ни подбирай, описывая её жизнь, не сможешь сказать того, что чувствуешь. Во-вторых, её уже нет в живых, а подобные письма хорошо посылать матери при жизни, чтобы она знала, что не напрасно прожила.

Для матери самый дорогой подарок — благодарное сердце детей. Я знаю много гимнов, в которых воспевается любовь к матери, но чаще всего это запоздалая любовь, то есть матери уже нет, и поэты в своих стихах на все лады сожалеют об этом. Да, это свойственно человеку — не дорожить тем, что имеешь.

Моя милая мама была простой, малограмотной, но богобоязненной христианкой. Окончила она всего два класса церковно-приходской школы в Тверской губернии (ныне Калининская область). Она рано потеряла родителей, и в 1906 году её, как сироту, привезли в Петроград, где она и прожила всю жизнь. Там её и похоронили. Её жизнь была насыщена житейскими трудностями.

Накануне ареста я зашёл к маме. Тогда я не подозревал, что эта встреча будет последней. Мы сидели за столом и беседовали. Она всегда была словоохотливой и любила беседы. Я спросил: «Мамочка, я знаю, что ты многое пережила, но что для тебя было труднее всего?»

Задавая этот вопрос, я внутренне готовился к ответу, но он для меня был абсолютно неожиданным.

Я думал, она расскажет, как осталась вдовой, поведает об ужасах, пережитых во время блокады, расскажет о тяжёлом бремени матери, на долю которой выпало в одиночку поднимать четверых малолетних детей, и так далее. Но ничего этого я не услышал.

Она ответила приблизительно так: «Все трудности, которые я пережила в своей жизни, оставили мне

самые светлые воспоминания, потому что Бог был скорым помощником во всех скорбях. Путника, достигшего наконец своей цели, не отягощают воспоминания о перенесённых невзгодах. Я понимаю, что задача, возложенная на меня Господом, выполнена. Дети выросли, все — члены церкви. Теперь для меня самая большая трудность — дождаться перехода в вечность. Очень хочется, сынок, чтобы Господь скорее пришёл за мной...» (Она тяжело болела.)

После этого разговора прошло семьдесят пять дней, и моя мамочка ушла в вечность. Мои сёстры подробно рассказывали мне о спокойном, я бы сказал, даже мужественном её переходе.

Самое большое, что сделала для меня мама — это то, что она научила меня молиться! Да, да, не удивляйтесь этому. Постараюсь вам это показать. Не помню, когда впервые я помолился Богу (был ещё совсем маленьким), но некоторые молитвы раннего детства помню хорошо.

Детство моё прошло в бедности. А где нужда, там и Бог. В 1941 году в Ленинграде был голод. Мы жили в коммунальной квартире, в одной комнате. Кроме нас в квартире жили ещё три семьи. Наш дом повредила бомба: не было ни света, ни воды, ни тепла. Окна заколочены фанерой. Каждый день мы ждали своего последнего часа. Люди умирали от голода ежедневно. И я, десятилетний мальчик, принимал участие в похоронах. В те жуткие времена гробов не делали, могил не копали. Заворачивали труп в простыню и

выносили на улицу, чтобы его забрала специальная машина и отвезла в братскую могилу.

Нашу семью голодная смерть миновала не потому, что у нас были большие запасы, нет. Мы и до войны испытывали бедность. Секрет совсем в другом. Если бы папа оставил нам в наследство большое имущество, много денег, то это богатство не помогло бы, нас постигла бы общая участь.

Бог верен Своему слову! Мы жили под особой заботой Божьей. Нашу семью удивительным образом вывезли из Ленинграда, и мы были спасены. Хотите знать, как это произошло? Коротко расскажу.

Мама приютила у себя женщину с двумя маленькими детьми. Их дом сгорел во время бомбёжки. А через десять дней муж этой женщины, полковник, приехал с фронта, чтобы вывезти свою семью из города. В знак благодарности за то, что его жена с детьми нашла у нас приют, он вывез на военной машине и нас.

Таким образом 14 января 1942 года мы покинули Ленинград. Тридцать пять километров ехали по Ладожскому озеру. Вокруг царила смерть: бомбёжка, обстрел, машины уходили под лёд. А нас Бог сохранил!

Когда мы ещё жили в Ленинграде, мама, бывало, придёт рано утром с работы и сразу к нам: живы ли? Мы все лежали на одной кровати, укрытые одним одеялом. В семь часов утра мы вставали, преклоняли колени и молились Богу. Мама не только приучала нас к молитве, но умела поправлять и менять содержание

наших молитв. Делала она это удивительно деликатно. Вечерами она тоже молилась с нами и делала это с большим постоянством.

Обратите внимание, что наряду с характеристикой того или иного царя в Библии упоминается и имя его матери. Влияние матери на развитие ребёнка весьма велико. Я долго не мог понять, каким образом в моей детской памяти запечатлелся образ отца? Видел я его очень мало. Мне было всего шесть лет, когда мы расстались с ним. Но я всегда мечтал жить так, как папа. Я любил общаться с людьми, хорошо знавшими моего папу, и моим вопросам не было конца. Причину этой большой любви к папе я понял совсем недавно.

Мама очень часто рассказывала нам о нём, всегда ставила его в пример. Из её слов, я знаю о папе больше, чем о маме. Подобно сильному прожектору, она очень ярко освещала в нашем сознании образ папы и при этом сама оставалась в тени. Такой была моя мама, а ваша бабушка Груня...

О, мудрые матери! Их меньше всего интересует личный авторитет. Вся их жизнь посвящена детям, а дети так редко воздают любовью за любовь. Часто детям кажется, что мама излишне интересуется их жизнью, что она назойлива в своих советах, расспросах и пожеланиях.

По сей день удивляюсь, откуда у такой малограмотной женщины, какой была моя мама, столько вариантов разнообразных подходов к нашим сердцам?! Расскажу один случай.

Это было осенью 1942 года. Мы эвакуировались из Ленинграда в далёкую Киргизию. Временно остановились в доме одинокой женщины. Однажды хозяйка пошла уже спать в свою комнату. Готовились и мы ко сну. Прежде чем совершить молитву, мама всегда спрашивала, не огорчил ли кто кого, не обижен ли кто, и только убедившись, что всё благополучно, предлагала помолиться. В тот вечер она предложила совершенно новое.

«Дети, — сказала она, — когда в молитве "Отче наш" дойдёте до слов "да святится имя Твоё", подумайте о себе. Если ваше поведение было плохим, и вы огорчили кого- либо, а значит и Господа, то пропустите эти слова, а если совесть ни в чём вас не осуждает, то молитесь, ничего не пропуская...»

Мне вспомнились мои похождения за прошедший день и, когда после личной молитвы мы все вместе повторяли молитву «Отче наш», я пропустил эти слова, сделав паузу. Все легли спать.

Минут через пятнадцать мама вызвала меня в сени и спросила: «Сынок, расскажи, что волнует тебя, почему ты недоволен собой?» Я подробно рассказал, как забрался днём в подвал хозяйского дома, взял из бочки два солёных помидора и съел (без разрешения, разумеется). Мама уточнила некоторые подробности и тут же послала меня к хозяйке просить прощения.

Решение мамы было для нас законом, и я пошёл. Выслушав моё извинение, хозяйка пошла поговорить с мамой. Много позже я узнал, что она была приятно удивлена таким признанием и разрешила нашей маме

пользоваться всеми солениями, как своей собственностью.

Ваш папа

Письмо тридцать третье

Дорогие мои!.. Находясь на свободе, я не мог до конца понять, что значит «каждый день умирать». Глубина переживаний апостола Павла отчасти открылась и мне, когда я сам побывал в подобных обстоятельствах.

Это произошло в свердловской тюрьме. В камеру, рассчитанную на двадцать человек, нас втиснули пятьдесят! Не то что прилечь, присесть негде. Лето. Нестерпимо жарко. Когда стоишь, пот течёт по спине, по ногам, в ботинки; присядешь — с бороды не капает, а стекает струёй. Почти у каждого заключённого в зубах папироса. Камера сизая от удушливого дыма. Курильщики с трудом зажигают спички: не горят, нет кислорода. Это типичная картина тюремной жизни.

На сей раз приключилась беда: прорвалась канализационная труба, которая проходила под потолком камеры. Нечистоты стекали по стене на пол. Сутками напролёт мы стояли в зловонной жиже.

У многих заключённых была открытая форма туберкулёза. Они задыхались и кашляли кровью. Здоровые возмущались, требовали изоляции от больных. Стучали, пока пришёл надзиратель. Даже не посмотрев, что произошло, он крикнул: «Это вам не

курорт!» — и тут же захлопнул «кормушку», чтобы не дышать смрадом.

Заключённые, с которыми я вошёл в эту камеру, пробыли здесь пять суток. Меня продержали восемнадцать суток. Слава Господу, туберкулёз у меня не открылся, хотя некоторые заразились, а из больных кое-кто умер.

На девятнадцатые сутки меня перевели в камеру к особо опасным преступникам. Как я понял, там меня уже ожидали. Об этом позаботились работники спецслужбы, «опекающие» нас повсюду, тем более в лагере.

Главарь, которому было лет двадцать пять, увидев меня, перестал играть в карты и властным жестом приказал подойти.

— Святой отец! Сюда...

По выражению их лиц я понял, что они замыслили недоброе. Подхожу, спокойно смотрю на них. В моём сознании с особой силой звучат слова апостола Павла: «Я каждый день умираю...» Ещё в смрадной камере я много думал над этим местом Священного Писания.

— Говори, святой отец, где твоё золото! — произнёс главарь, делая ударение на каждом слове. — Ты священник, и этого добра через твои руки прошло ой-ой-ой! Бедные сюда не попадают!

— Моё золото вам, ребята, не достать, — ответил я.

— Не смеши! Не у таких доставали...

Они принялись рассказывать, как один еврей сам отдал им деньги, после того как они раскалённым утюгом стали жечь его маленького сына.

— Не тяни, рассказывай! Наша рука везде достанет! — подступали они ко мне, готовые решительно на всё.

— И всё же, моего богатства вам не достать. Оно в Царстве Божьем! — подняв руку к небу, ответил я.

Из-за спины кто-то молниеносно ударил меня в печень. Потеряв сознание, я тут же рухнул на пол. Больше ничего не помню.

Очнулся уже на нарах. Кто меня туда уложил, я не знал. Поблагодарил Господа за то, что ещё жив, а также за заботу человека, который уступил мне свои нары.

Они напряжённо следили за каждым моим движением, я это чувствовал. Едва открыв глаза, я услышал нарочито ясный шёпот:

— Полотенце мылом натрём и повесим святого на решётке. Всё меньше мороки! — предлагал один.

— Возня! Горло перерезать, и хорош! Лезвие сунем в руки, и концы! — возражал другой.

Мне хорошо знакомы были подобные расправы: виновного не найдёшь. Мысленно помолился: «Господи, прими дух мой! Не покинь дорогое братство, милых страдальцев. Не оставь мою семью...» Ясно представил себе, как встречусь наконец-то с Господом, с мучениками, которые приняли страшную смерть. Встречусь со своим отцом... С этими утешительными размышлениями я незаметно уснул.

Проснулся через какое-то время, а зловещий диалог будто не прекращался:

— Чего с ним возиться? Вздёрнуть, и точка!

— Кровь святому спустить! — настаивал другой. — Вложим лезвие в руку и его же рукой...

В эти напряжённые минуты, когда земная жизнь для меня, можно сказать, больше не существовала, я от сердца помолился: «Господи, если моя смерть прославит имя Твоё больше, чем жизнь, то зачем мне жизнь?! Да будет воля Твоя. Возьми меня к Себе прямо с этих нар, и пусть эта тюрьма будет для меня последней...»

Утром, пробудившись, я вышел на прогулку. Спускаясь по каменным ступенькам, тихо пел:

...Я к отчизне иду неземной
По кровавым следам христиан...

Этот гимн мне стал особенно дорог. Мне казалось, что автор написал его, находясь в камере смертников.

В те незабываемые дни я постоянно вспоминал отца. Он умер в таком же возрасте, в каком был я. Именно свердловская тюрьма стала для него предпоследней. Меня радовали эти совпадения, радовало то, что и меня Господь привёл на это место, чтобы удостоить мученической смерти.

В таком ежеминутном ожидании смерти я пробыл восемнадцать суток. Здесь впервые в жизни до меня дошёл смысл сказанного апостолом Павлом: «Я каждый день умираю...» До глубины души я прочувствовал, что значит ни на минуту не быть уверенным за свою жизнь. Ложась спать, я не был

уверен, что дождусь утра. А пробудившись, не знал, доживу ли до вечера. Каждую минуту считал последней. Выходил на прогулку, чтобы в последний раз взглянуть на небо, последний раз вдохнуть глоток чистого воздуха.

Из заключённых мало кто выходил на прогулку, потому что некоторые, подышав свежим воздухом, по возвращении теряли сознание, не выдерживали камерного смрада. А меня Господь хранил.

На девятнадцатые сутки надзиратель велел мне собираться на этап.

Неожиданно ко мне подошёл один из преступников и крепко пожал руку.

— Отец... — каким-то не своим голосом, дружелюбно обратился он ко мне. — Необычный ты человек... Ты вправду святой. Есть, наверное, Бог, в Которого ты веришь. Думаешь, мы не знали, что ты слышал всю нашу травлю?! Слышал. Почему же ты, выходя на прогулку, не добивался, чтобы тебя перевели в другую камеру, как это обычно делают все? Почему ты не кидался на нас и спокойно спал? Ты знал, что мы собираемся убить тебя, и каждый день сам шёл к нам в руки... Удивительный человек...

— Соберите отца в дорогу! — приказал он своим обычным диким голосом, и его никто не посмел ослушаться.

Они наполнили мою сетку салом, печеньем, сухарями, которых мне хватило до самого Омска.

Держа в руках сумку с продуктами, я вспомнил ворона, который по слову Господа кормил Илию.

Неприятная чёрная птица... Вот и обо мне Господь проявил Свою заботу через этого преступника.

«Я каждый день умираю...» Мгновенно умереть, положив голову на плаху, — несравненно легче. Отойти в вечность неожиданно — праздник для христианина. Это день встречи с Господом. Но ежедневно жить под страхом смерти — тяжкая ноша.

Представьте себе на минуту, что ваши руки сдавливают не наручники, а тяжёлые цепи. Ваши ноги забиты в колоду. Каждое движение причиняет вам нестерпимую боль. Вы — обречённый человек, вам вынесен смертный приговор. Наутро вас публично должны казнить, отсечь голову. Всю ночь вы не сомкнули глаз. Уста тихо шептали жаркую молитву. Ничто и никто уже не в силах изменить вашей участи. Уповая и молясь, вы, наконец, дождались бездушного окрика надзирателя и вышли навстречу своей смерти. Последние тяжёлые шаги. Конвой торопит и не даёт вам окинуть прощальным взглядом собравшуюся на казнь толпу. Вы пытаетесь отыскать родные лица, но глаза, опухшие от слёз и бессонной ночи, застилает пелена. Да и станет ли вам легче, если вы встретитесь взглядом с матерью, женой или детьми?.. Вы слышите стук собственного сердца, последние его удары... Вот последняя ступенька на эшафот... Помоги, Господь, не оступиться, не заплакать...

И вдруг из невесть откуда налетевшей чёрной тучи обрушился проливной дождь. Огненные стрелы молний со страшным треском грома разметали по сторонам конвой. Люди в ужасе припадают к земле. Среди палачей паника. Кто-то судорожно толкает вас в спину и почти волоком тащит назад, в подземелье. Мокрого и полумёртвого, вас бросают на каменный пол. Вы снова в камере смертников. Отрешённо смотрите на лица арестантов, с которыми только что попрощались навсегда...

Омская тюрьма

И снова — томительное ожидание смерти. Исполнение приговора по неизвестным причинам оттягивается на неопределённое время. Собрав остатки сил, вы склоняетесь на колени и просите у Бога милости...

Да, легче умереть внезапно и навсегда успокоиться, водворившись у Господа. Но есть и в наши дни такие служители Божьи, которые, как и апостол Павел, претерпевают муки смерти из года в год ради возлюбленной Церкви Христовой, ради спасения грешников.

Не забывайте узников, ради Господа не принявших освобождения и приговоривших себя к

пожизненному заключению. Молитесь о тех, чьи имена вам неизвестны, но которые ради Господа оставили всё и имеют в себе приговор к смерти.

Возлюбленные! «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать... бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь» (Лк. 12, 4-5).

Молитесь, молитесь обо мне...

Вместо эпилога

Не напрасно страдалец просил молиться о нём — он глубоко верил в силу молитвы и среди неимоверных трудностей ежедневно испытывал сладость общения с Богом. Лишь Он, великий и всемогущий, смог провести Своё дитя через горнило испытаний и всему миру показать верность Своего раба.

В январе 1985 года, в день окончания пятилетнего заключения, без выхода на свободу, Михаил Иванович вновь оказался на скамье подсудимых. Согласно приговору, следующий день освобождения приходился на 19 декабря 1986 года. В смирении приемля свой жребий из рук Всевышнего, Михаил Иванович молился в тот незабываемый день:

«Господи, если Тебе угодно, чтобы меня освободили в этот день, то устрой мне встречу с семьёй! Хочу в день своего пятидесятипятилетия прославить Тебя вместе с женой и сыновьями!»

Хорошее желание никак не согласовалось с действительностью — как в течение дня добраться из далёкого Улан-Удэ в Кишинёв? Но у живой веры проницательное зрение. Михаил Иванович мог видеть верой то, что было совершенно сокрыто от других.

В тот памятный день, когда истомлённого неволей узника вновь осудили на два года, он праздновал победу, всецело вверив себя воле Божьей. Гонители Церкви Христовой добавили ему срок, а он отчётливо слышал в своём сердце ободряющий призыв Иисуса:

«Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть» (Откр. 2, 10). И он не испытывал страха, он от всей души прославлял Господа за право страдать вместе с Ним.

Поздно вечером (в день приговора) открылась «кормушка», и в камеру заглянул офицер, который днём присутствовал на суде:

— Ну как, святой, помог тебе сегодня твой Бог? — насмешливо улыбнулся он.

— Да, помог, — уверенно ответил узник.

— Ха-ха-ха! — показал тот два пальца. — Два года, которые тебе сегодня добавили, это лишь малая часть того, что тебе причитается! Неужели ты не понимаешь, что никогда не выйдешь отсюда? Ты вроде не глупый человек...

Долгожданная встреча состоялась, 1986 г.

Михаил Иванович посчитал за счастье повторить слова своего возлюбленного Господа:

— Вы не имели бы надо мной никакой власти, если бы не было дано вам свыше.

Офицер покачал головой и, махнув рукой, закрыл «кормушку»:

— Сидеть тебе в этой камере вечно!

— Не-е-ет, — уверенно ответил Михаил Иванович, — вечно я буду царствовать с Христом в Небесном Царстве. А здесь буду ровно столько, сколько определил Бог.

С глубоким чувством благодарности он запел:

Радость наша совершенна —
От Христа, не от людей,
И никто во всей Вселенной
Овладеть не может ей...

Встреча с церковью, 1986 г.

Через два года, в день своего рождения, Михаил Иванович торжественно благословлял Бога за пройденный путь — не только с семьёй, а с церковью, со многими братьями и сёстрами. Произошло это чудо благодаря Божьему всемогуществу. (Подробно об освобождении можно прочитать в журнале «Вестник истины», №4, 2012 г.)

По прекращении гонений Михаил Иванович трудился, казалось, с удвоенной энергией, хотя физически ему было очень даже нелегко. При всём том, никто никогда не слышал от него ропота или недовольства. Он благодушествовал в немощах, желая везде и во всём прославить своего Возлюбленного.

Пока мог и сколько мог, Михаил Иванович усердно служил Божьему народу, питал духовным хлебом молодых и пожилых, добросовестно выполняя дело, вверенное ему Самим Господом.

А когда силы стали оскудевать и букет болезней становился всё больше, Михаил Иванович наставлял христиан сидя. Он даже молился сидя, но в его искренних словах отчётливо слышалось глубокое благоговение перед Богом, Которому он преданно служил от самой юности.

В день своего 80-летия Михаил Иванович откровенно признался:

Господь доверил мне высокое служение. Я знаю, что не заслуживаю его. Я знаю свои ограниченные способности. Если я был чем-то богат, то лишь тем, что Бог дал во временное пользование. Всегда у меня было желание трудиться в Церкви Христовой... Милостивый Бог особо покровительствовал мне на протяжении всего пути.

Я размышляю: за что, Господи, Ты так возвысил Твоего раба? За что удостоил меня великой чести четыре раза быть на скамье подсудимых, за что оберегал, миловал, радовал, давал силы хранить верность, благословлял? За что, Господи, ко мне такая милость?!

Через четыре месяца, весенним днём 2012 года, Михаил Иванович получил исчерпывающий ответ на

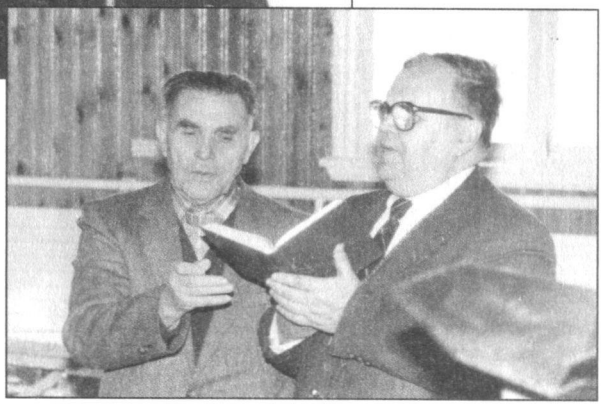
свои вопросы и искренние недоумения — Господь позвал его в небесный чертог.

Совещание Совета церквей, 1987 г.

В Бендерах (Молдавия), 1987 г.

Родные — и по плоти, и по духу, 1992 г.

Служители-сибиряки В. Я. и Б. Я. Шмидты вместе с Михаилом Ивановичем участвуют в богослужении, 1995 г.



С Иваном Яковлевичем Антоновым на совещании служителей в Молдавии, 1995 г.

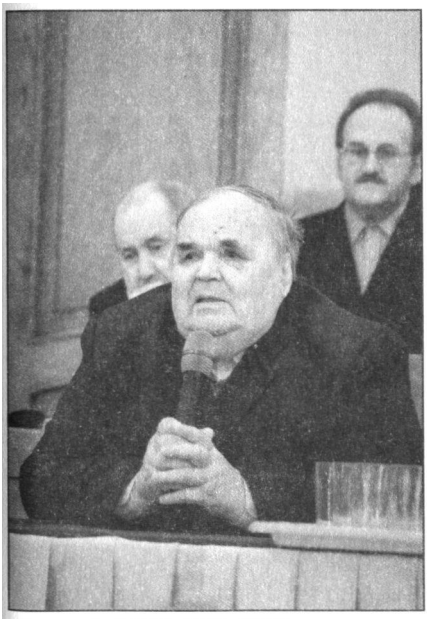
На Камчатке. Поездка в Эссо, 2002 г.

Этого дедушку дети не забудут никогда (п. Палана), 2002 г.

По пути в Красноярск, 2002 г.

Они и в старости неутомимо говорили народу Божьему о праведности Господа (с И. Я. Антоновым).

Открытие молитвенного дома в Архангельске, 2007 г.



На съезде МСЦ ЕХБ, 2009 г.

Счастливые... (Михаил Иванович с супругой)

Награда

Чем почтить вас за верность в страданиях?
Выбор наш, сознаём, не богат.
Вы в тюремном плену отчеканили
Высший орден: награду наград.
Не из золота он, не из платины.
Бриллиантов на нём не найти,
Но цена его болью оплачена
И разлукой с женой и детьми.
Не постичь его в мире достоинство,
Как и смысл изнуряющих уз.
Под аккорды небесного воинства
Верным вручит награду Иисус.
А потом — полномочия вечности
И души неподдельный восторг
В том, что вера прошла через бедствия
И достигнут желанный чертог.

П. А. Ляшенко

Награда

Чем почтить вас за верность в страданиях?
Выбор наш, сознаём, не богат.
Вы в тюремном плену отчеканили
Высший орден: награду наград.

Не из золота он, не из платины.
Бриллиантов на нём не найти,
Но цена его болью оплачена
И разлукой с женой и детьми.

Не постичь его в мире достоинство,
Как и смысл изнуряющих уз.
Под аккорды небесного воинства
Верным вручит награду Иисус.

А потом — полномочия вечности
И души неподдельный восторг
В том, что вера прошла через бедствия
И достигнут желанный чертог.

П. А. Ляшенко